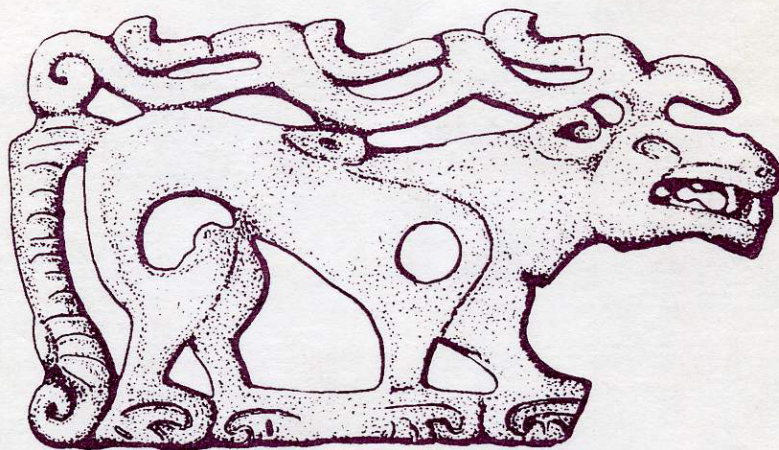

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН
АЛТАЯ**

Барнаул • 1996

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Алтайский государственный университет
НИИ гуманитарных исследований при АГУ

**Погребальный обряд
древних племен Алтая**

Сборник научных трудов

Издательство Алтайского государственного университета
Барнаул 1996

Сборник подготовлен и опубликован на средства, полученные по базовому финансированию из Минобразования по теме «Этнокультурная история древних племен Алтая». В нем публикуются материалы по погребальному обряду племен неолита, энеолита, разных периодов бронзового и железного веков. Рассматриваются оригинальные вещевые комплексы, проблемы датировки и культурной принадлежности, этнокультурные особенности. Рассчитана на археологов, этнографов и краеведов.

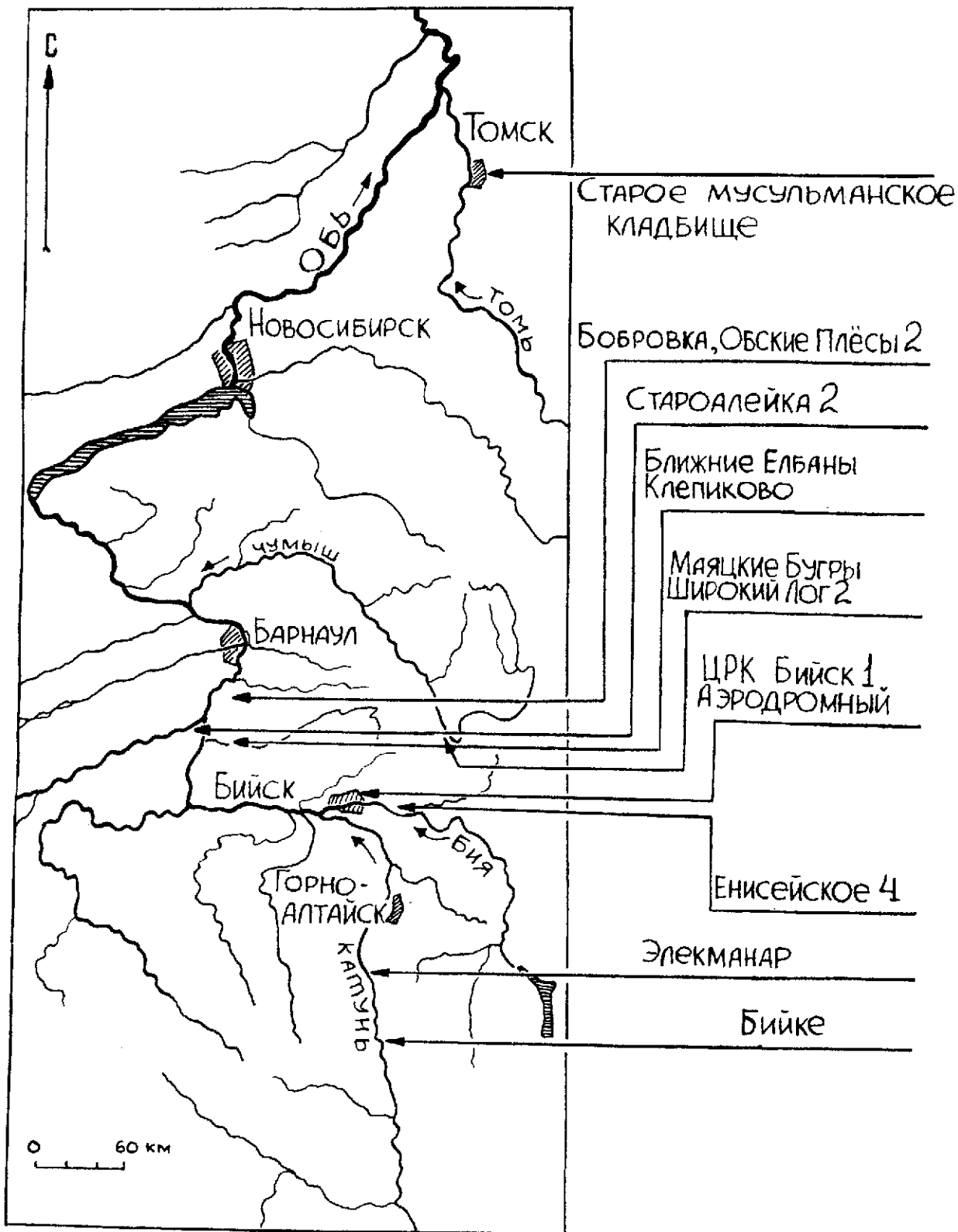
Ответственные редакторы:

д.и.н. , проф. Ю.Ф.Кирюшин, к.и.н., доц. А.Л.Кунгуров

Редакционная коллегия:

Чл.-корр. РАН В.И.Молодин, д.и.н., проф. Л.А.Чиндина,
к.и.н. М.Т.Абдулганеев, к.и.н. А.Б. Шамшин

© А.Л. Кунгуров, составление, 1996
© Д.В. Колдаков, макетирование, 1996
© А.В. Максимов, обложка, 1996

Расположение курганных и грунтовых могильников Верхнего Приобья, материалы из которых опубликованы в сборнике.

Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ю. Кунгурова

Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище

Материалы могильника на Старом Мусульманском кладбище, раскопанном А.П. Дульзоном в 1955–1956 гг., нашли отражение в ряде публикаций [94; 126; 128; 147; 148; 186]. В настоящий момент принята точка зрения о принадлежности могильника к игрековскому этапу Новокусовской культуры [148, с. 70; 126, с. 22]. Предложенная относительная датировка игрековского этапа — первая треть II тыс. до н.э. находит противоречие в радиоуглеродных датировках, полученных по двум погребениям могильника, определяющих их возраст в пределах первой половины IV тыс. до н.э. [128, с. 60].

Одним из авторов уже высказывались сомнения: к одному ли комплексу относятся каменный инвентарь и посуда из этого памятника. Изучение полевой документации раскопок А.П. Дульзона показало, что последняя найдена вне могил, — над могилами или около них, тогда как каменный инвентарь находился непосредственно в самих могилах. На площади могильника были найдены сосуды и других эпох [7, с. 44]. Рядом исследователей на основании ранней плоскодонной посуды весь могильник датировался началом II тыс. до н.э., несмотря на то, что каменный инвентарь имел более архаичный характер. Поэтому было высказано предположение, что в более позднее время на территории могильника могло функционировать какое-то культовое место типа Сузгун II [126, с. 44].

Из погребений могильника происходит богатая коллекция каменных орудий, представляющих большой интерес при рассмотрении вопросов хозяйства и погребального обряда. До сих пор функциональных исследований орудий не проводилось. Тем не менее появлялись любопытные версии относительно их рабочего предназначения [186, с. 57–80, 88]. Отмечалось, что многие орудия из погребений имеют признаки использования их в работе до захоронения, а также и то, что некоторые экземпляры ножей и дротиков подвергались преднамеренной риту-

альной порче — ломанию. Точильные бруски из погребений интерпретировались неоднозначно. По внешним признакам сложно судить об использовании их для заточки металлических [147, с. 67], либо каменных орудий [186, с. 101, 102].

При изучении каменного инвентаря нами было трасологически проанализировано 101 изделие. На всех орудиях из могильника были обнаружены признаки утилизации, выраженные с разной интенсивностью (табл. 1). Основные группы изделий составили: орудия для разделки туш животных — 25 ножей и одно скребло; набор оружия колюще-метательного типа — 27 наконечников стрел, три дротика и один наконечник копья; орудия для обработки дерева — 34 рубяще-тешущих инструмента, одно сверло, две створки выпрямителей древков стрел, два строгальных ножа. Для работы по камню использовались одна пилка и три бруска.

Таблица 1

Мог.	Ножи по мясу. П/№№ шифра	Нак. дротиков. П/№№ шифра	Пилка по камню. П/№№ шифра
4	17, 61, 78, 81, 97, 138, 140, 143	65	41
5	4, 6		
6	2		
8	19, 53		
9	28	19 (копье)	
10	9, ?		
11	?		
12	16, ?		
14		8	

В целом состав погребального инструментария не может отражать полную картину соотношения занятий и промыслов данного населения, ведущих приемов технологии и производств. Как правило, типологический набор

орудий в погребениях не соответствует вариативности поселенческого инвентаря. Тем не менее, покойного сопровождает набор орудий, связанный с основными видами деятельности при жизни. Обратимся к подробной характеристике функциональных групп изделий.

Ножи по мясу морфологически разделяются на листовидные и ланцетовидные (15 экз.), сегментовидно-треугольные (10 экз.).

Листовидные и ланцетовидные ножи оснащены двумя рабочими лезвиями. На их кромках прослеживаются незначительные признаки сработанности в виде характерных для резания микровыкрошенностей. Форма изделий и этот факт не исключают также возможности использования орудий не только в качестве ножей, но и как оружия ближнего действия с колюще-режущими свойствами. Четыре экземпляра — наиболее крупные и широкие, длиной от 15 до 18 см, шириной от 5,5 до 7 см. Конец одного орудия обломан (рис. 1, 1-4). Другой нож расколот. От него сохранились концевая и рукояточная части. Рукояточная часть треугольна, выделена с помощью симметричных выемок. Ее конец обломан (рис. 1, 2). Линия рабочих кромок ножей зубчатая. Трасологически установлено, что все ножи имели рукояточную часть, либо насад, не содержащие признаков утилитарного износа. На некоторых образцах кромки рукояточной части снивелированы и заполированы вследствие закрепления в рукоять, либо пластичную основу.

Мелкие ножи нами отнесены к той же морфологической группе (3 экз.). Они также близки по форме к сегментовидным (5 экз.). Мелкие ножи имеют одинаковые размеры 7,5 (8) × 3 (3,5) см. Принцип их вторичной обработки стандартен. Так, листовидно-сегментовидные короткие ножи оформлены по одному краю с двух сторон длинной плоской ретушью (рис. 1, 5-9).

Ножи сегментовидно-треугольной формы (рис. 2), как правило, имеют два рабочих лезвия за исключением одного экземпляра (рис. 2, 7). Один нож (рис. 2, 4) сделан из известнякового сырья и сходен с остальными только по форме. Он представляет собой имитацию (модель) аналогичных изделий. На наш взгляд, имитирование вещей для погребений имеет ту же смысловую нагрузку, что и преднамеренная порча оригиналов.

В данной серии ножей выделяются два — с овальным и прямым лезвиями. Они наиболее крупные из всей серии: 15,5 × 8,3 см и 10,4 × 6,2 см (рис. 2, 1-2). Линии краев имеют

зубчатые очертания. Они оформлены плоской ретушью. Два экземпляра «порчены», поэтому сложно определить их первоначальную длину и форму рукояточной части. На рис. 2 пунктиром отмечены участки лезвий, где наблюдаются следы сработанности. Обращает на себя внимание то, что длина рабочих участков на обоих лезвиях орудий, как правило, одинакова. Так, на некоторых экземплярах, где микропризнаки интенсивны, прослеживаются пункты перехода к участкам, незадействованным в работе, и судя по-всему, находившимся в мягком рукояточном закреплении (кожа, береста, дерево) (рис. 2, 1, 3, 6-9). На двух ножах эти пункты расположены на лезвиях симметрично друг другу (рис. 2, 3, 7). Длина рабочих лезвий на них — 8-8,5 см.

Интерес представляют два ножа с совмещенными функциями (рис. 2, 6, 7). Они — вытянутой треугольной формы, имеют один прямой край, другой — выпуклый и узкое острие. Оба края с двух сторон подработаны узкими короткими фасетками приотстригающей ретуши. Ножи определены как разделочные. Ими выполняли работы по резанию мяса, кожи. Выпуклый участок одного края орудий служил в качестве скребка по коже. На нем прослеживаются микропризнаки скребкового износа (заполированность, скругленность, поперечные линейные следы). Допустимы аналогичные функции и у мелкого ножа (рис. 2, 5). В отличие от предыдущих экземпляров, на нем микропризнаки слабо выражены и неполны. Все эти ножи закреплялись в рукояти из пластичного материала.

В коллекции также имеется скребло для обработки кожи, изготовленное из отщепца. Края его ретушированы (рис. 3, 10).

Колюще-метательное оружие. Наконечники дротиков представлены тремя экземплярами. Они листовидной формы, сходны с наконечниками стрел. Наконечники стрел (27 экз.) в основном иволистные: три мелких, восемь — средних размеров, восемь — крупных. Кроме того, в коллекции встречено пять листовидных и один ромбовидный наконечник (рис. 3).

Большой интерес представляет крупный наконечник копья из могилы № 9. По форме он — длинный кинжалобразный, расщеплен на три части. Его конец сколот наискось. Признаки износа на нем фиксируются слабо и только по краям концевой части острия. Представляют собой неравномерно расположенные микровыкрошенности. При экспериментальных исследованиях износа на метательных орудиях [215, с. 32] отмечалось, что

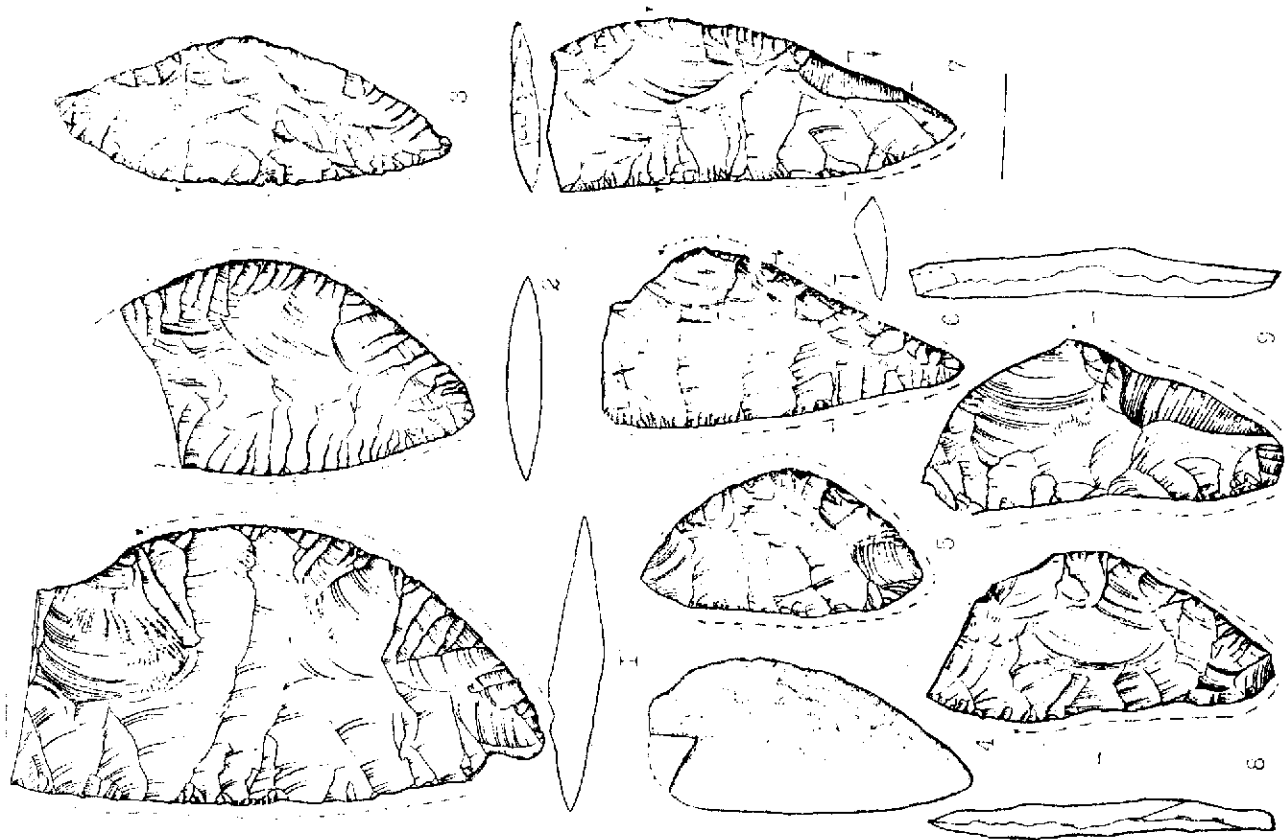

Рис. 2. Ножи.

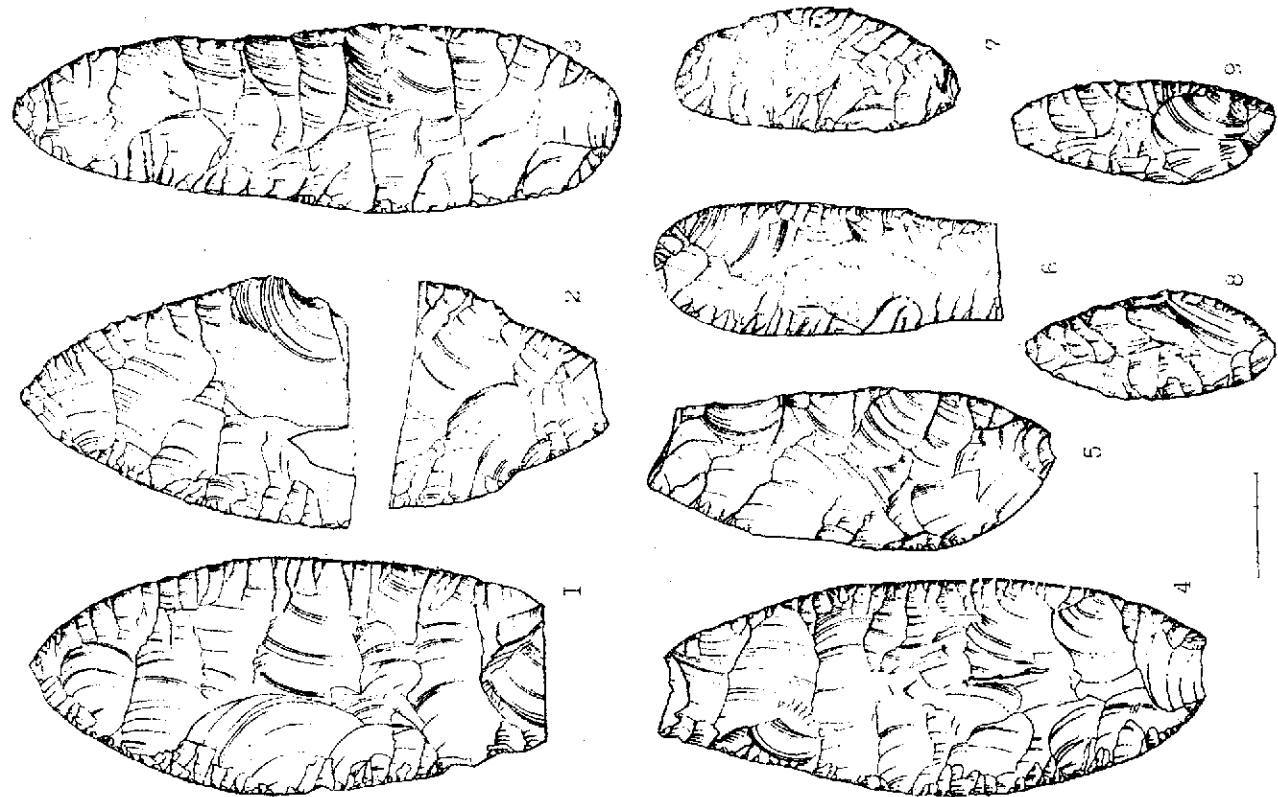

Рис. 1. Ножи.

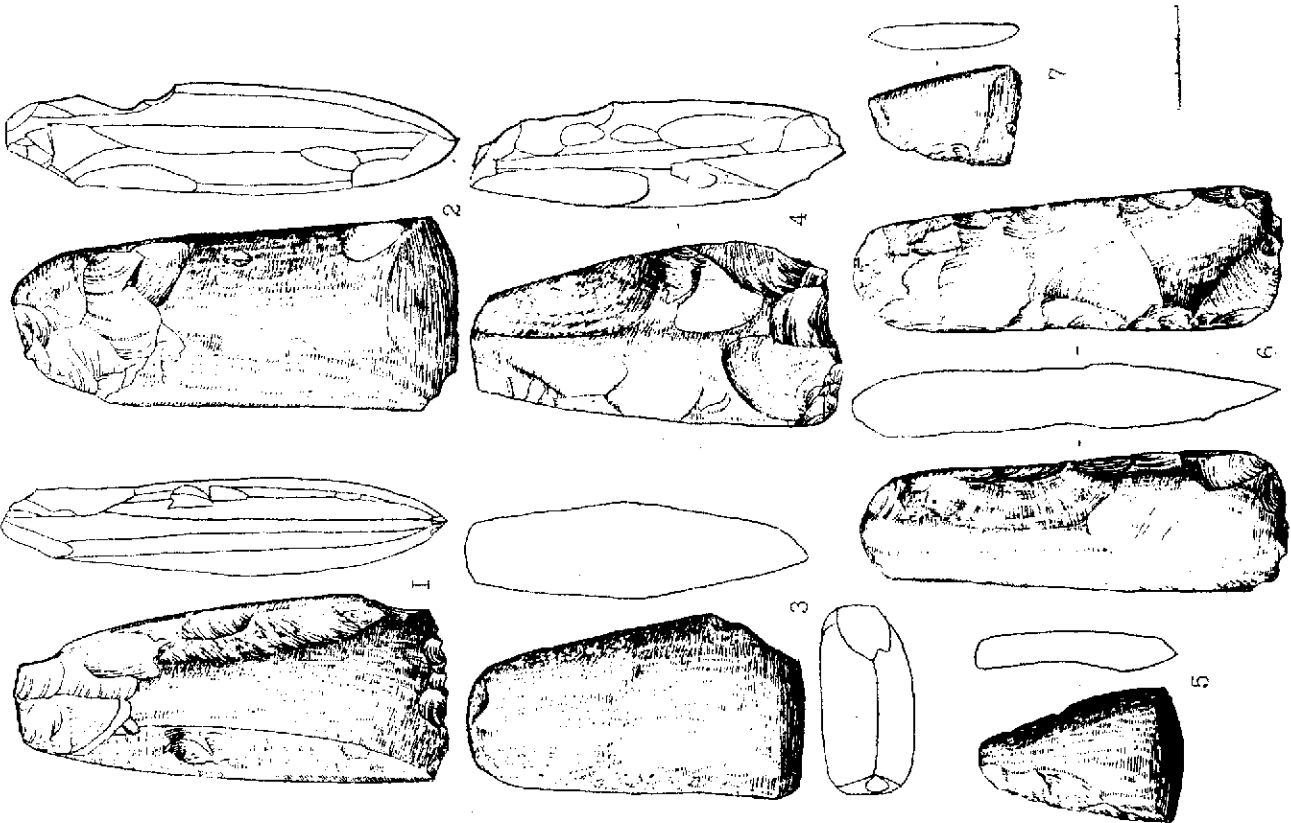

Рис. 4. Топорики, тесла.

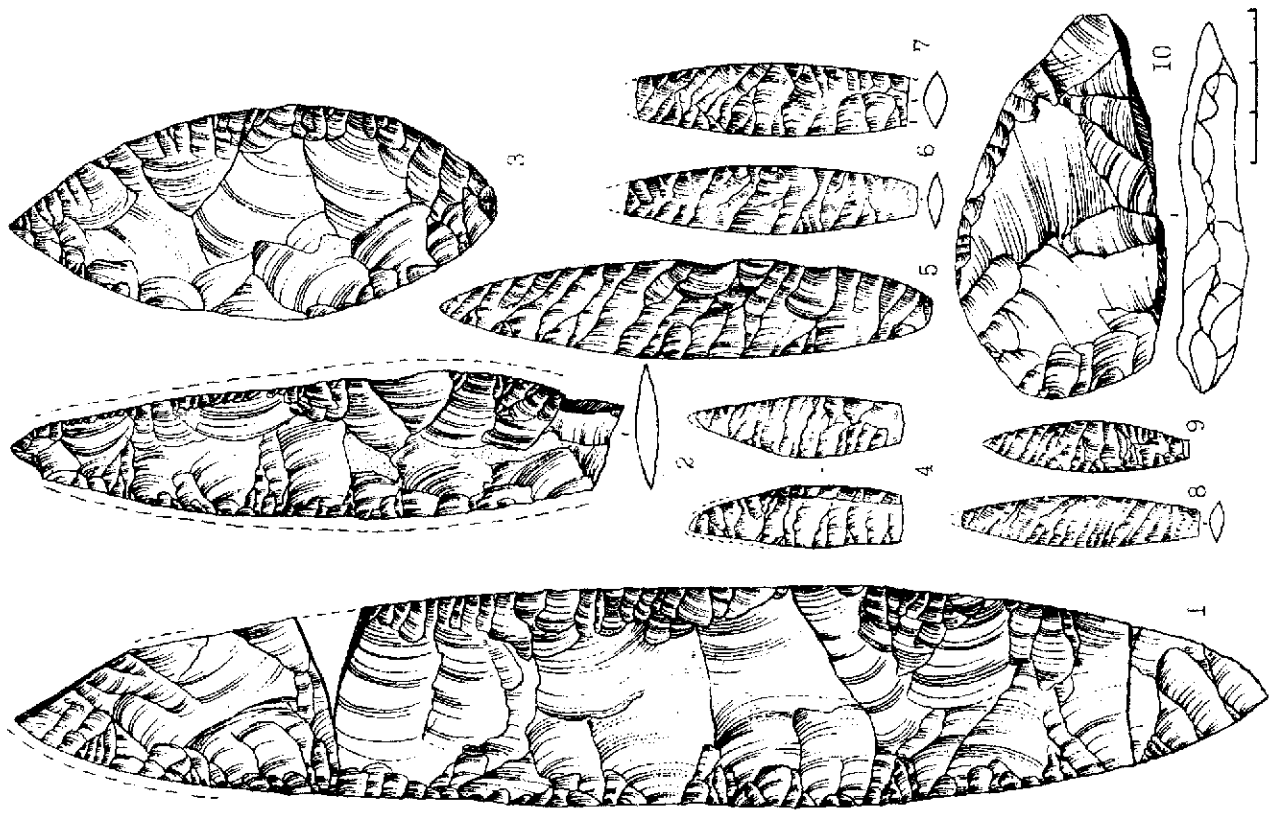

Рис. 3. 1, 3, 5-9 - наконечники копий, стрел, дротика, 2 - пилка, 4 - сверло, 10 - скребло.

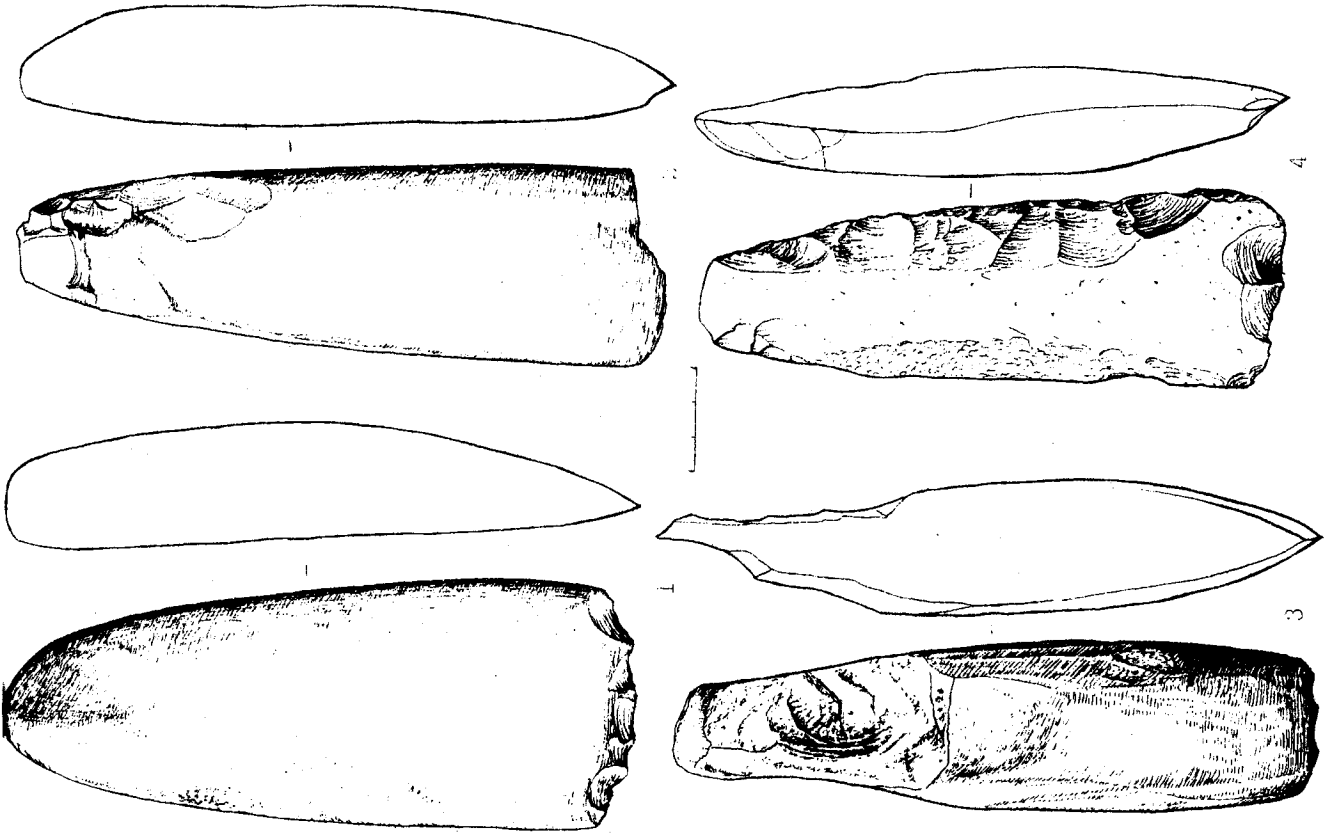

Рис. 6. Топоры.

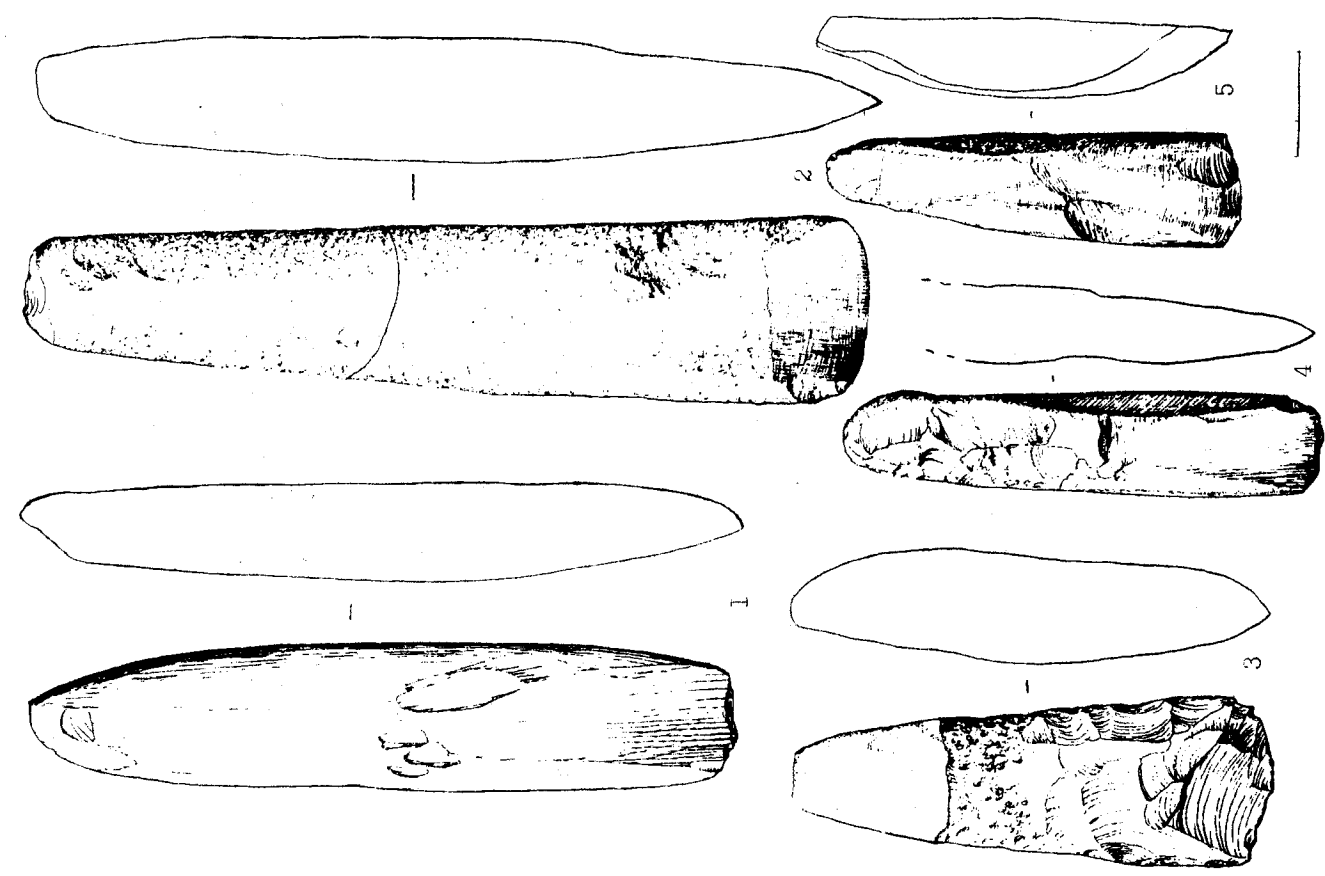

Рис. 5. Тесла.

при попадании в твердый предмет (дерево, камень), наконечник стрелы, либо дротика расщеплялся. Чаще всего на концевой его части образовывался скошенный или скошенно-продольный скол. Его массивность должна была зависеть от импульса силы целенаправленного удара и упругости материала, в который попадал наконечник. Характер сложного расщепления наконечника копья из могилы № 9 может свидетельствовать о преднамеренном метании копья в твердую основу с близкого расстояния, в результате чего произошло снятие массивного скола с последующим многократным поперечным разломом орудия. Авторы исследования скола Е.Ю. Гиря и П.В. Волков отмечают, что следствием очень большого импульса силы и высокой скорости снятия скола при расщеплении является невозможность управления плоскостью расщепления. В результате сопротивляемости материала происходит искривление рельефа скола, поперечное расщепление изделия [54]. Что мы наблюдаем на данном примере (рис. 3, 1). Наконечник дротика с аналогичным расщеплением обнаружен на пос. Бахчи Локтевского района Алтайского края [133, с. 111].

Орудия обработки камня. В могиле № 4 найдена пилка по мягкому камню. По форме она напоминает узкий удлиненный наконечник дротика. На обеих кромках ее прослеживаются продольные линейные следы, характерные для пиления камня (рис. 3, 2).

В погребениях найдены бруски, изготовленные из метаморфического мелкозернистого песчаника и глинистого алевролита. Они хорошо сработаны, имеют грани, уступы от интенсивного использования. На их поверхности видны продольные царапины. Комплекс микро- и макропризнаков (равномерная интенсивная стертость поверхности, заполированность, линейные следы) свидетельствуют об использовании их в качестве активных абразивов для заточки и заполировки каменных изделий. Признаки износа на абразивах совпадают со следами абразивной техники на шлифованных вещах, лезвиях орудий из погребений: тесел, ножей.

С обработкой дерева связаны: топоры (10 экз.) (рис. 4, 6), тесла (23 экз.) (рис. 4, 5), долото (1 экз.), сверло (рис. 3, 4) и створки выпрямителя «древков», два строгальных ножа. Наличие характерных следов микро- и макроизноса указывает на то, что орудиями работали многократно еще до погребения. Позже их края были «подновлены» шлифов-

кой. Использование орудий в работе подтверждают выщербины и сколы утилитарного характера, выломы по рабочему краю. На некоторых экземплярах тесел сохранились глубокие царапины (рис. 5).

На основе технологического и бинокулярного исследований каменных орудий можно сделать следующие выводы:

1. Орудия, присутствующие в захоронениях Старомусульманского кладбища не были специально изготовленными для ритуала. Они использовались в хозяйстве при жизни их владельцев.

2. При захоронении вещи претерпевали следующие изменения:

— Частичная «порча» колюще-режущих инструментов: ножей, наконечников. По неполнотой сохранившимся вещам (при отсутствии оправ, рукоятей, древков) сложно судить о том, почему не все изделия этой серии оказались обломанными. Однако факт данного ритуала в могильнике фиксируется. Обламыванию подвергались орудия убийства, способные нанести вред человеку.

— Предполагается акт «обновления» серии рубяще-тешущих орудий посредством подшлифовки.

3. В захоронениях присутствовало четыре категории инструментов: орудия охоты и разделки туш, инструменты по дереву, мелкие инструменты, связанные с обработкой камня (починки). В публикациях по могильнику было достаточно высказано предположений о занятиях населения на основании анализа групп инвентаря погребений. Нами были уточнены функции орудий и объединены в функциональные типы, выявлены новые функции.

По ряду аналогичных инструментов Прибайкалья С.А. Семенов проводил широкие экспериментальные исследования [239]. Так, основное предназначение рубяще-тешущих орудий по дереву, которые совпадают по типам с оными из могильника, С.А. Семенов связывает с изготовлением лодок-однодеревок, определяет их производительность.

При изготовлении вещей использованы техники: оббивки, ретуши, пикетажа, шлифовки, выполненные в совершенстве. Как показывает моделирование, полная шлифовка крупных предметов производилась на шлифовальной плите с помощью активного абразива. Поверхность вещей не полировалась.

Результаты наших исследований могут быть использованы для разработки некоторых социологических аспектов.

*М.Т. Абдулганеев, Ю.Ф. Кирюшин,
С.Ю. Лузин, А.Б. Шамшин*

Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах

История археологического изучения комплекса археологических памятников у с. Чаузово Топчихинского района «Ближние Елбаны» насчитывает уже более 100 лет. Первые исследования здесь связаны с именами Н.С. Гуляева и В.П. Михайлова [90, с. 128–129; 191, с. 8]. Однако известность Ближним Елбанам (далее — БЕ) дали работы М.П. Грязнова 1946–47, 1949 гг. Это были действительно научные и широкомасштабные раскопки, позволившие ему разработать схему развития древних племен Алтая в бронзовом и железном веках [79]. В дальнейшем многие археологи и краеведы посещали устье р. Большая Речка, производя здесь сборы подъемных материалов. В 1981 г. Ю.Ф. Кирюшин и Б.В. Бородаев исследовали между пунктами БЕ 6 и БЕ 7 несколько могил, открыв новый могильник БЕ 16 [124]. В 1993–94 гг. в связи с возникшей опасностью размыва дюн исследования продолжил М.Т. Абдулганеев [8; 13; 14]. Раскопки велись в центральной части дюн на трех могильниках (рис. 1–1). Помимо материалов одинцовской и сrostкинской культур, на БЕ 6 и БЕ 16 были исследованы андроновские захоронения, на БЕ 9 — ирменские.

Могильник БЕ 16. К андроновской культуре на этом памятнике относятся курганы 3 и 5.

Курган 3 (рис. 1–5) имел размеры 5,5×6,5 (длин. ось С–Ю) и высоту около 0,2 м. Могила округлой формы размерами 1,5×2 м (длин. ось ЮЗЗ–СВВ) располагалась почти в центре кургана с небольшим смещением к СЗ. Несколько выше уровня материка, прямо над могилой было обнаружено скопление керамики первой половины I тыс. до н.э. На дне могилы, на глубине 1,2 м (здесь и далее — отметки от уровня материка) находились остатки двух погребенных. Судя по сохранившимся костям, они лежали скорченно на левом боку, головами на Ю. Вдоль юго-западной стенки, в головах погребенных, стояли четыре сосуда (рис. 7–3, 6–8). Под черепом северного скелета найдены остатки истлевшей бронзовой проволочной серги.

Курган 5 (рис. 1–5) имел размеры 6×6,5 (длин. ось З–В) и высоту около 0,3 м. Под насыпью находились две могилы: № 1 — в юго-западной части, № 2 — в северо-восточной. Еще одна могила (№ 3) была зафиксирована за пределами насыпи, между курганами 3 и 5. Судя по всему, могилы, раскопанные на БЕ 6, располагались рядами, а принадлежность самих насыпей андроновской культуре сомнительна [8, с. 73, рис. 1–5]. Вероятнее всего, насыпи эти имели какой-то ритуальный характер и были сооружены в первой половине I тыс. н.э.: в кургане 3 найдена керамика этого времени, в кургане 5 — бронзовый нож [8, рис. 1–1].

Могила 1 имела прямоугольную форму, размеры 1,3×2,2 м (длин. ось ЮЗ–СВ) и глубину 1,3 м. В заполнении ее встречались обломки костей человека. На дне в западном и южном углах стояли сосуды (рис. 7–2, 5), а по периметру прослеживались остатки деревянной обкладки.

Могила 2 имела прямоугольную форму, размеры 1,5×2,0 м (длин. ось ЮЗ–СВ) и глубину 1,0 м. В заполнении ее найден череп человека, а на дне — в северо-восточной части — сосуд (рис. 7–4).

Могила 3 была прямоугольной формы, размером 1,7×2,0 м (длин. ось ЮЗ–СВ) и глубиной 1,7 м. На дне обнаружен скелет человека, уложенного скорченно на левый бок, головой на ЮЗ (рис. 3–10). В головах его стоял сосуд (рис. 7–1).

На могильнике БЕ 16 было вскрыто 560 кв. м и обнаружено восемь андроновских могил, расположенных, скорее всего, рядами с ЮЮВ на ССЗ. По крайней мере, один такой ряд прослеживался достаточно четко, его образовывали могилы № 1, 8, 11.

Край могилы 1 был разрушен раздувом и прослежена она была только у дна. Форма оказалась прямоугольной, размеры 0,95×1,3 м (длин. ось ЮЗЗ–СВВ), глубина — 0,2 м. На дне находились остатки двух погребенных, уложенных в сильно скорченном положении

на левом боку, головой на ЮЗЗ (рис. 3-8). Часть костей, особенно южного погребенного, отсутствовала. На левой щиколотке северного скелета обнаружена двойная цепочка из 32 бронзовых бусин (рис. 3-6), в районе черепа — бронзовая серьга (рис. 3-2) и обломки сосуда (рис. 6-7). Вдоль сохранившейся северной стенки могилы прослежена деревянная плашка обкладки, а южнее могилы найден обломок бронзового браслета (рис. 3-5).

Могила 2 имела овальную форму, размеры 0,95×1,55 м (длин. ось ЮЗЗ-СВВ) и глубину 0,55 м. На дне найдены обломки костей человека и у северо-восточной стенки — сосуд (рис. 6-9).

Могила 4 имела овальную форму, размеры 0,8×1,45 м (длин. ось ЮЗЗ-СВВ) и глубину 0,55 м. На дне находился скелет ребенка в сильно скорченном положении на левом боку, головой на ЮЗЗ (рис. 3-9). На правой височной и под левой костями найдены две бронзовые серьги (рис. 3-3,4), на шее — две бронзовые нашивки (рис. 3-7), а у северной стенки могилы, в головах погребенного — сосуд (рис. 6-8). Вблизи могил № № 2 и 4 найдены обломки еще двух сосудов (рис. 6-4; 3-1).

Могила 8 была подпрямоугольной формы, размерами 1,25×1,85 м (длин. ось ЮЗЗ-СВВ) и глубину 0,65 м. В заполнении ее встречались кости человека, а по периметру прослеживался древесный тлен обкладки. На дне, кроме сосуда в западном углу (рис. 6-3), ничего не обнаружено.

Могила 11 была нарушена средневековой или современной ямой и в заполнении ее встречались отдельные кости человека и обломки сосуда (рис. 6-6). Форма могилы была прямоугольной, размеры 0,7×1,4 м (длин. ось ЮЗЗ-СВВ), глубиной — 0,85 м. На дне находились остатки скелета, лежавшего скорченно на левом боку, головой на ЮЗ (рис. 3-11).

Могилы 12 и 13 были полностью разрушены раздувом. На поверхности валялись двумя скоплениями отдельные кости человека; здесь же в 1981 г. были найдены два сосуда (рис. 6-1,2).

Могила 15 имела прямоугольную форму, размеры 0,95×1,8 м (длин. ось ЮЗ-СВ) и глубину 0,25 м. Погребение казалось частично потревоженным. Скелет лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на ЮЗ (рис. 2-5). В головах, несколько выше дна, были найдены обломки сосуда (рис. 6-5).

Характеризуя погребальный обряд описанных выше андроновских захоронений, следует отметить его однообразие и для БЕ 6 и для БЕ 16. В могилах находилось, как пра-

вило, по одному погребенному, реже — по два. Абсолютно преобладают взрослые погребения, и только одно — детское. В тех случаях, когда положение погребенного установлено, оно стандартно: скорченно, часто очень сильно, на левом боку, головой в юго-западный сектор. В трех случаях зафиксированы остатки деревянных конструкций. Сосуды устанавливались по одному, реже — по два. В целом погребальная обрядность является типичной для андроновских могильников Верхнего Приобья.

Как и во всех андроновских могильниках, основной категорией инвентаря является керамическая посуда. В коллекции с БЕ 6 и БЕ 16 представлены два ее типа: горшки и банки. Причем горшков больше на БЕ 6. Здесь же имеется три сосуда с геометрическим орнаментом (треугольники, зигзаги, меандровые узоры) и разделением его на три зоны (рис. 7-1,2,5). На трех сосудах из БЕ 16 геометризмом присутствует только в оформлении их верхней части (рис. 3-1; 6-3, 4). Остальная керамика с БЕ имеет упрощенный орнамент, характерный для посуды федоровских памятников Верхней Оби и сопредельных территорий.

Основным элементом орнамента является горизонтальный зигзаг, исполненный чаще всего крупнозубой гребенкой (рис. 6-3,6,7; 7-3, 6-8). Горизонтальная и вертикальная елочка, украшающая некоторые сосуды, выполнена печатной и резной техникой (рис. 6-1,2,9; 7-4). Каннелюры являются на горшках разделителями (рис. 3-1; 6-3,4; 7-1,2,5), а на других сосудах — и основным элементом орнамента (рис. 6-6,8). Дополняют рисунок отпечатки уголка лопатки или палочки. Набор элементов орнамента характерен практически для всех андроновских памятников Сибири и ряда других территорий. Сходство погребальной обрядности и керамических комплексов БЕ 6 и БЕ 16, а также наличие между дюнами свежего раздува подтверждают мнение о том, что их андроновские могилы составляют единое кладбище [8, с. 73].

Сопроводительный инвентарь, помимо сосудов, представлен изделиями из бронзы: головными украшениями (серьги с растробом, проволочная и не сомкнутая серьги) и украшениями костюма (цепочка из биконических бус, нашивные бляшки с пунсонным орнаментом (рис. 3-6,7)). Помимо них, найден обломок пластинчатого браслета (рис. 3-5). Все украшения были найдены в двух двойных захоронениях и одном детском. В двойных захоронениях украшения были у север-

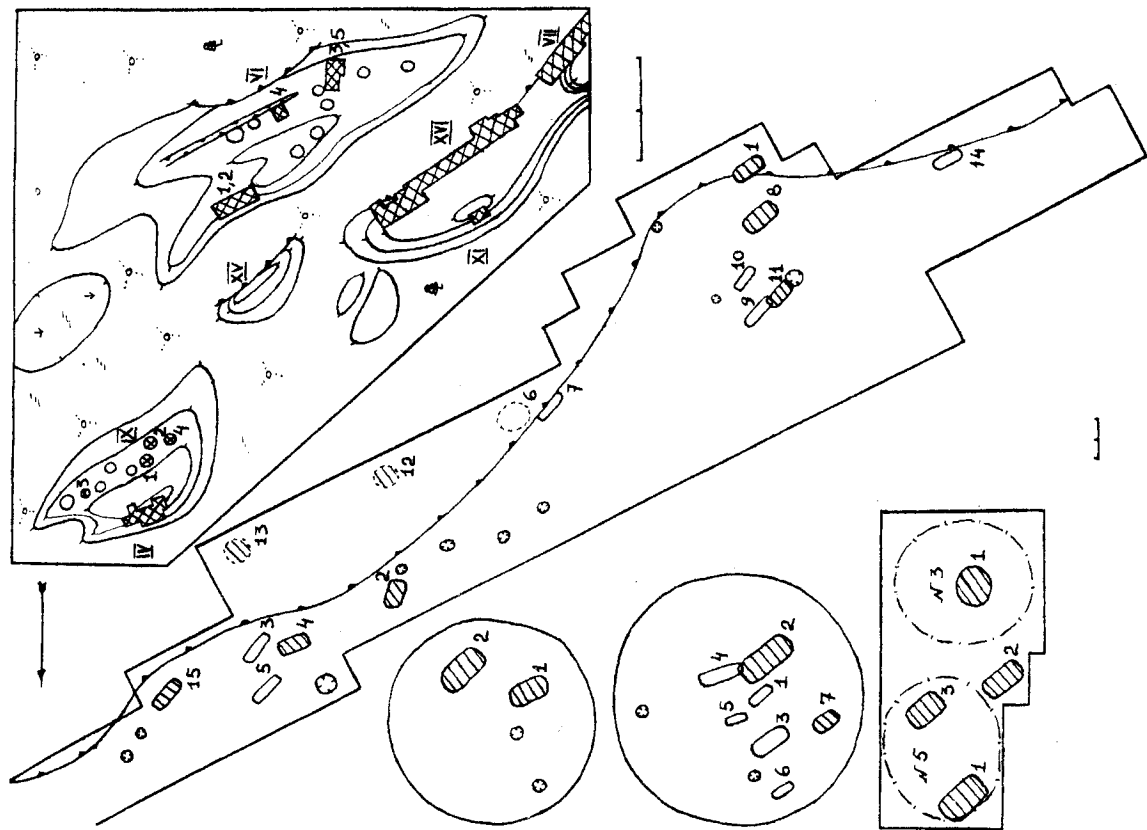
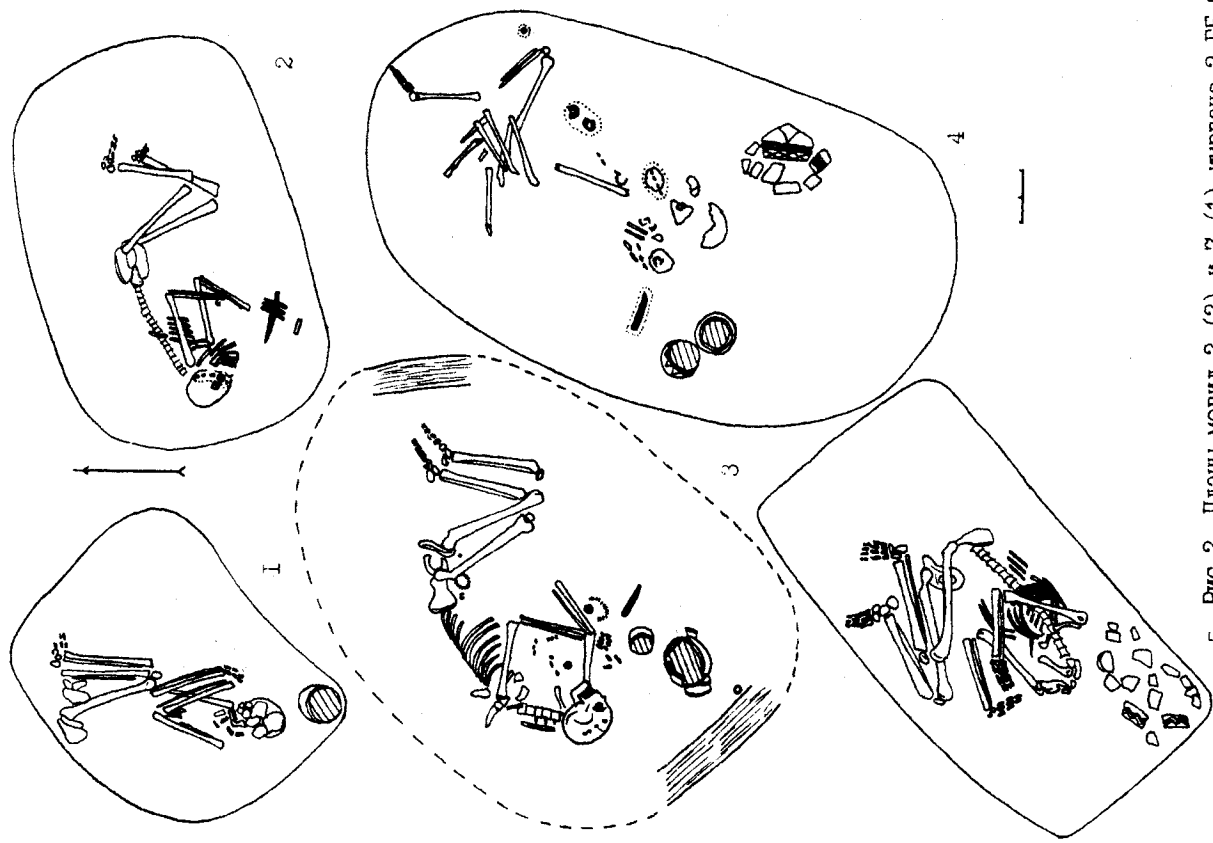

Рис. 1. План расположения могильников в Центральной части урочища Елбаны (I). Планы раскопов ББ-16 (2), курганов 3, 5 ББ-6 (5) и курганов 2 (4) и 4 (3) ББ-9 (заштрихованы могилы эпохи бронзы).

5 Рис. 2. Планы могил 2 (2) и 7 (1) кургана 2 ББ-9, 1 (3) и 2 (4) кургана 4 ББ-9, могилы 15 ББ-16 (5).

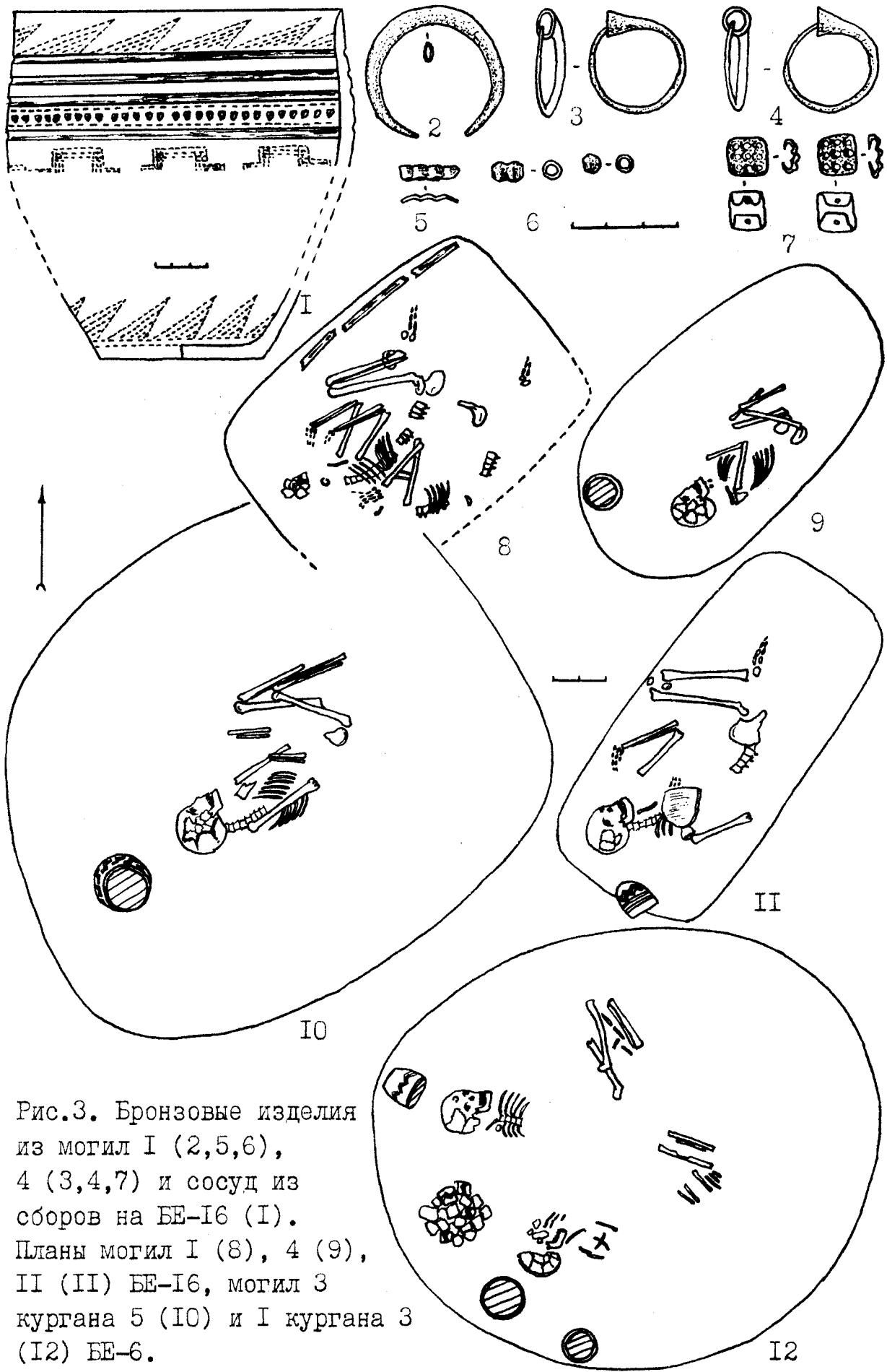

Рис.3. Бронзовые изделия из могил I (2,5,6), 4 (3,4,7) и сосуд из сборов на БЕ-16 (I). Планы могил I (8), 4 (9), II (II) БЕ-16, могил 3 кургана 5 (10) и I кургана 3 (12) БЕ-6.

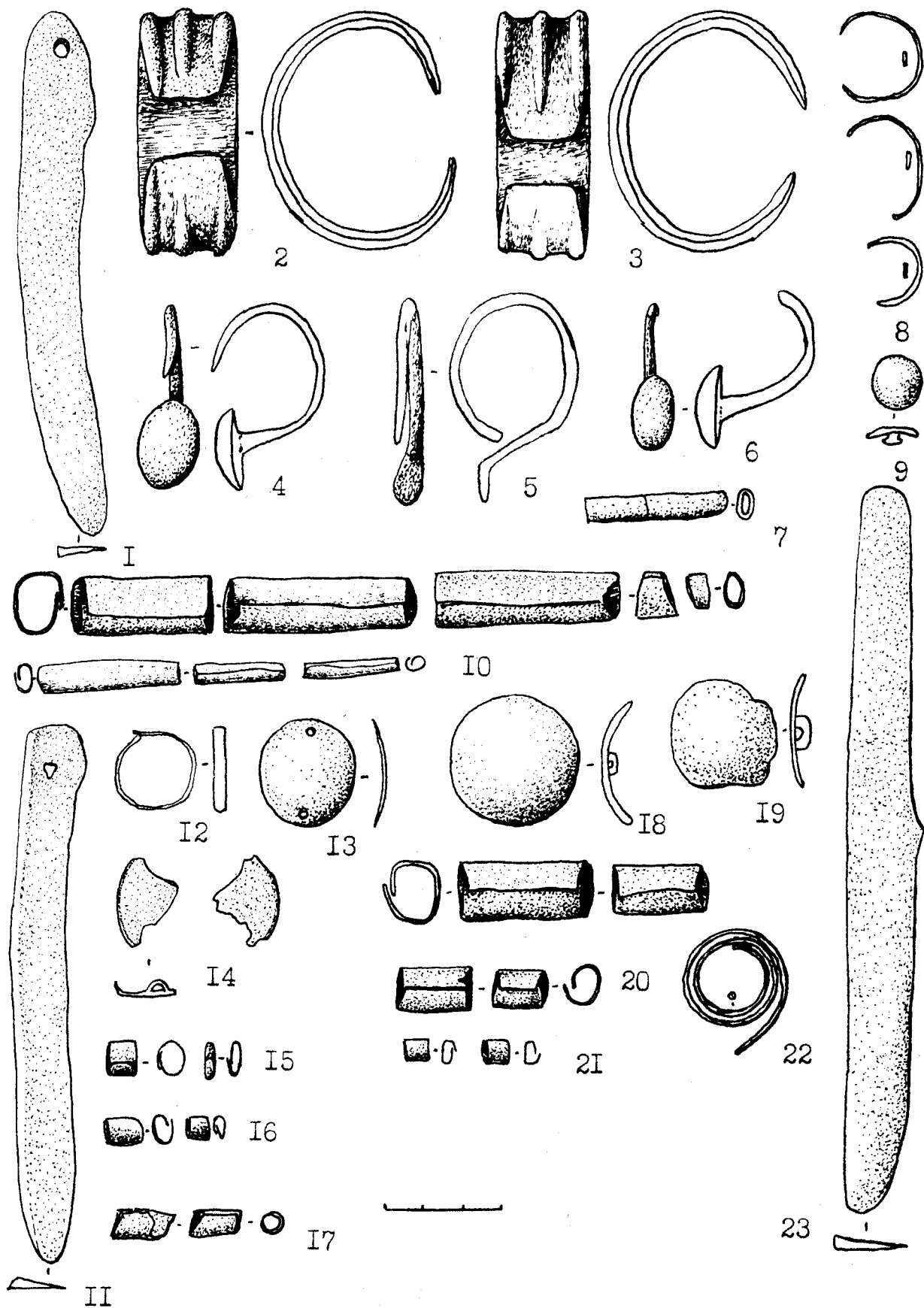

Рис.4. Бронзовые изделия из могил 2 (I-10,19) и I (II-16) кургана 4, могилы 2 кургана 2 (18,21-23) и могилы 7 (20) и кургана 3 (17) ББ-9.

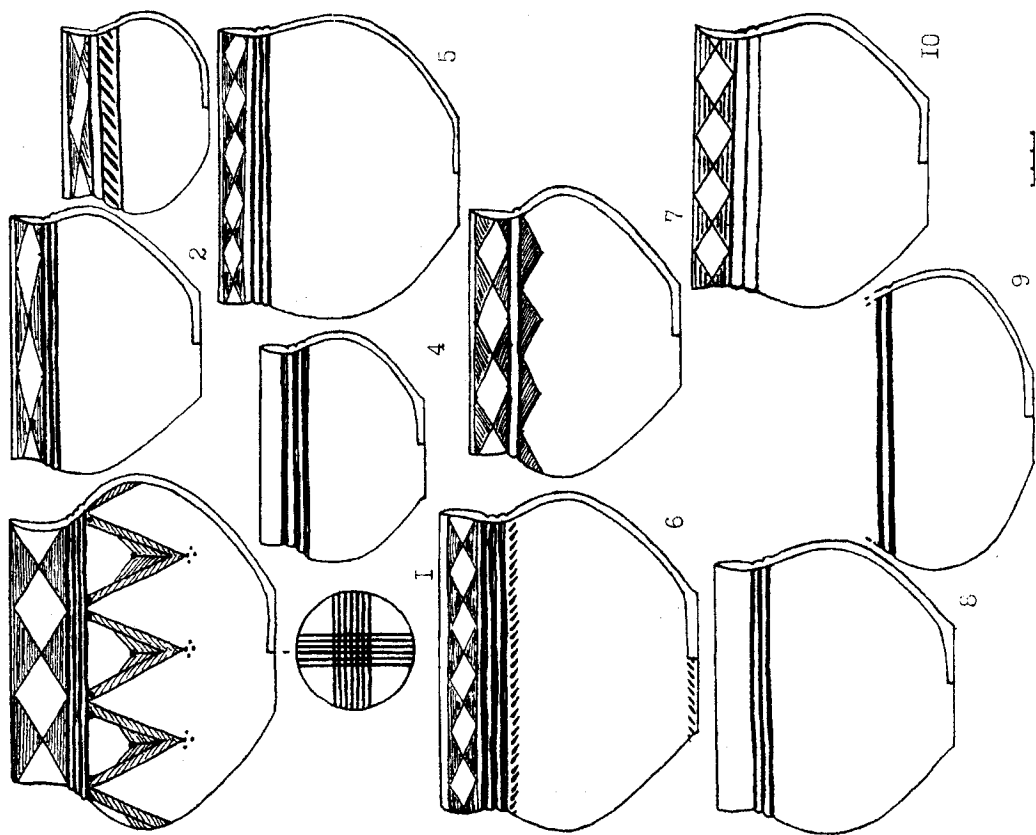
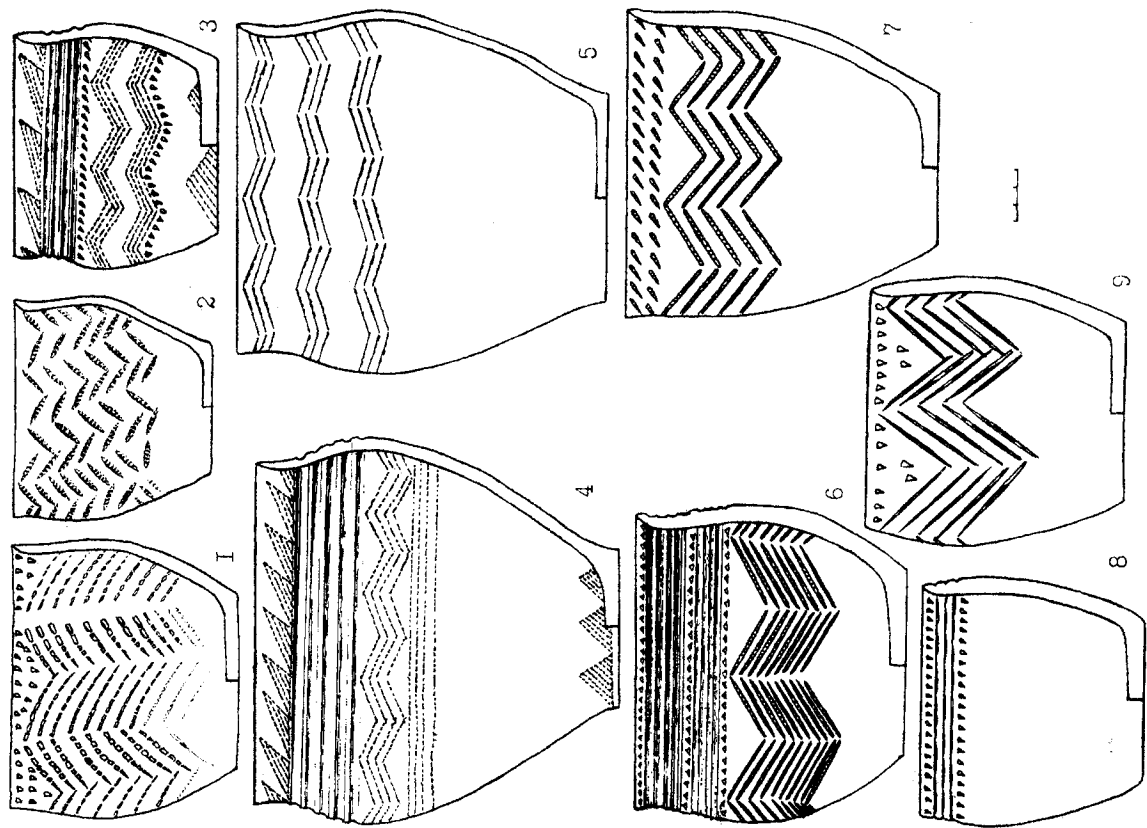

Рис. 5. Керамика из могил 2 (1, 2, 5) и I (4, 6) кургана 4, могилы 7 (8) кургана 2, насыпей кургана 3 (3, 7), кургана 2 (9) и сборов (10).

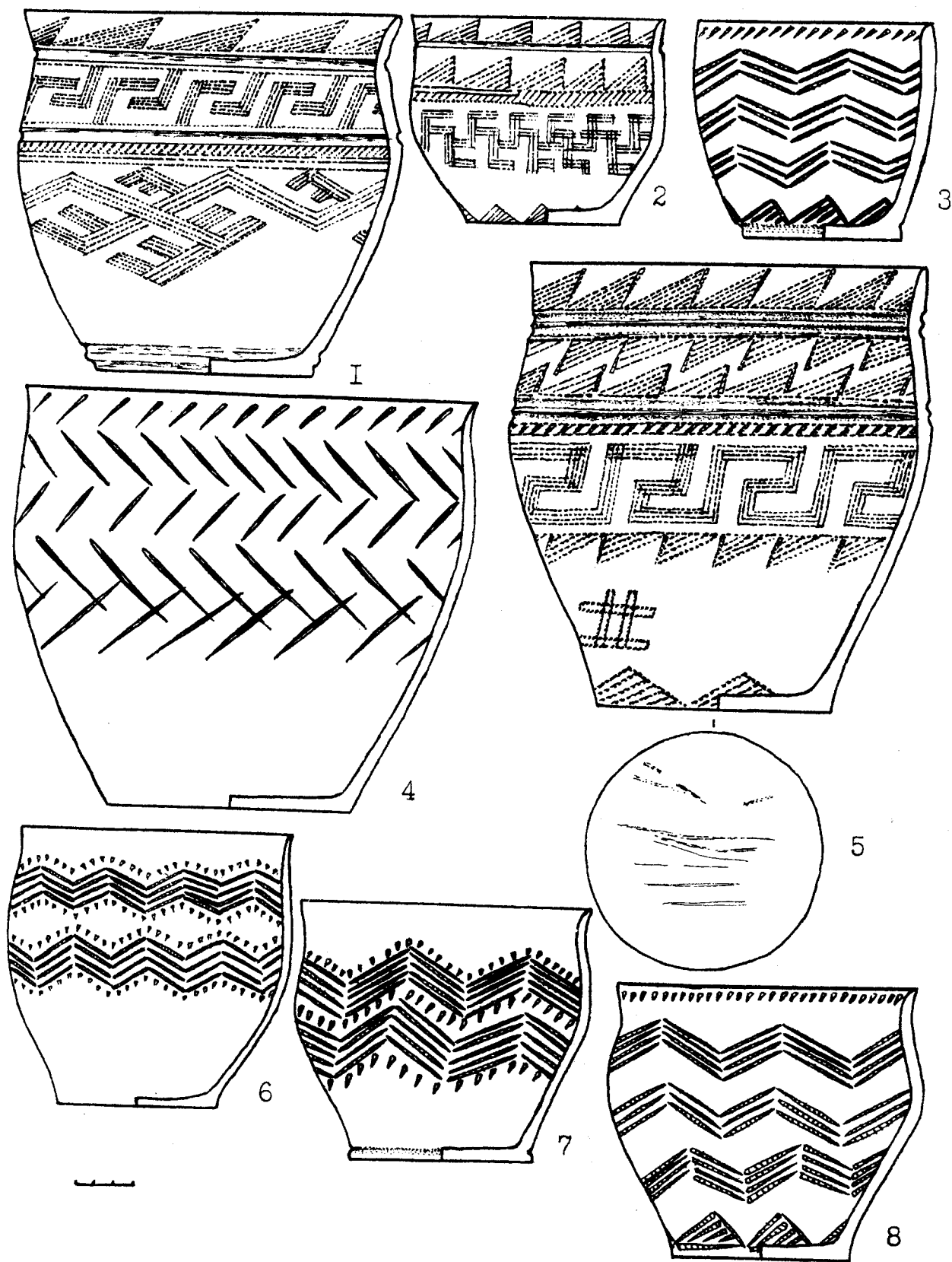

Рис.7. Керамика из могил I (2,5), 2 (4) и 3 (I) кургана 5 и могилы I кургана 3 (3,6-8) БЭ-6.

ного погребенного. Этот факт, несомненно, заслуживает внимания.

Бронзовые серьги с раструбом, обнаруженные в детской могиле, являются этнографическим признаком федоровских племен [20, с. 70], в то время как серьги с несомкнутыми концами, изготовленные из бронзового листа, свернутого в трубочку, более характерны для алакульских [20, с. 73; 21, с. 56]. Нашивки с измененным орнаментом довольно часто встречаются в андроновских погребениях Верхнего Приобья, принадлежность которых к федоровским комплексам не вызывает сомнений [206, рис. 54; 19, рис. 1]. Бронзовые бусы в качестве нашивок на одежду или обувь встречаются на всей территории распространения андроновской культурно-исторической общности [206, рис. 54; 19, рис. 1].

Несомненный интерес представляет сопоставление материалов раскопок 1993–94 гг. с материалами исследований М.П. Грязнова на андроновских могильниках БЕ 12 и БЕ 4. Первое отличие заключается в том, что БЕ 12 и БЕ 14 — детские кладбища, а БЕ 6 и БЕ 16 — взрослые. Следствием этого следует считать грубое и небрежное нанесение орнамента на сосуды из детских погребений и более тщательное — из взрослых. Второе отличие состоит в полном отсутствии каких-либо вещей в детских погребениях из раскопок М.П. Грязнова, в то время как в единственной детской могиле БЕ 16 вещи есть. Вместе с тем наблюдается значительное сходство не только в наборе элементов декора, но и в его компоновке между взрослыми и детскими могильниками. На наш взгляд, не подлежит сомнению факт единого времени существования всех этих памятников, оставленных одной (федоровской) группой населения. По-видимому, отдельно возвышающиеся елбаны создали условия для обособления кладбищ различных возрастных групп, что отмечал и М.П. Грязнов. [79, с. 5–6].

На могильнике БЕ 9 раскопаны три кургана, шесть из которых исследованы, четыре ирменских могилы и остатки еще двух-трех. Курганы 2 и 4 располагались в западной части могильника, курган 3 — в восточной (рис. 1–1).

Курган 2 имел диаметр 12,5 м и высоту около 0,4 м. Под насыпью зафиксировано семь могил, в том числе две ирменские (№ № 2, 7) и еще одна разрушенная, от которой сохранилась только нижняя часть сосуда (рис. 5–9). Могила два находилась почти в центре кургана с небольшим отклонением к юго-западу, могила 7 — к северо-западу от нее (рис. 1–4).

Могила 2 имела подпрямоугольную форму, размеры 1,7×3,15 м (длин. ось ЮЗ–СВВ) и глубину 1,2 м. Размеры ко де уменьшались. На дне лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку, головой на ЮЗ (рис. 2–2). На правом запястье зафиксированы окислы бронзы, напротив лицевой части черепа найдены кости крупного рогатого скота и на них — бронзовый нож (рис. 4–23), под черепом бронзовая проволочная серьга (рис. 4–22). На лобной части черепа прослежены остатки кожного головного убора и нашитые на него: в центре — бронзовая бляшка (рис. 4–18), а по обе стороны от нее — по пять бронзовых пронизок (рис. 4–21).

Могила 7 имела подпрямоугольную форму, размеры 0,95×1,2 м (длин. ось ЮЗ–СВ) и глубину 1,45 м. На дне могилы по диагонали лежал скелет взрослого человека в сильно скорченном положении на правом боку, головой на Ю (рис. 2–1). В головах, в южном углу могилы, стоял сосуд (рис. 5–8), а слева с черепа найдены четыре бронзовые пронизки (рис. 4–20), а скорее всего — наконечник.

Курган 3 имел диаметр 6 м и высоту около 0,15 м. Под насыпью в северо-западном секторе найдены лежащий на боку сосуд (рис. 3–1) и две бронзовые пронизки (рис. 4–17). В центре кургана обнаружены обломки дерева, кости крупного копытного животного, человека, фрагменты еще одного сосуда (рис. 5–3). Следов погребения не обнаружено: скорее всего оно полностью уничтожено грабителями.

Курган 4 имел диаметр 9 м и высоту около 0,15 м. Под насыпью зафиксированы две могилы, яма и кострище. Обе могилы находились в южной половине кургана: могила № 1 — западнее, могила № 2 — восточнее (рис. 1–3).

Могила 1 не была заглублена в материк и ее контуры частично читались только у дна (глубина 0,65 м) благодаря сохранившемуся древесному тлену обкладки. Примерные ее размеры 1,5×2,1 м (длин. ось ЮЗ–В). На дне лежал скелет взрослого человека скорченно, на правом боку, головой на ЮЗ (рис. 2–3). В могиле обнаружены: на черепе, между правым локтем и грудной клеткой и в районе глаза — бронзовые бусы (рис. 4–15, 16), у костей рук — две бронзовые бляшки (рис. 4–13, 14), между погребенным и южной стенкой — бронзовый нож (рис. 4–11), бронзовое кольцо (рис. 4–2) и два сосуда (рис. 5–4, 6).

Могила 2 имела овальную форму, размеры 1,35×2,35 м (длин. ось ЮЗЗ–ССВ) и глубину 1,35 м. На дне найдены разбросанные в беспорядке

рядке кости человека. Судя по сохранившимся в порядке костям ног и обломкам черепа, погребенный был уложен скорченно, на правом боку, головой на ЮЗ (рис. 2-4). В могиле найдены следующие изделия из бронзы: у восточного угла и в центре — две пуговицы (рис. 4-9, 19), в северо-восточной части — два браслета (рис. 4-2,3), в центре — пронизки (рис. 4-10), три гвоздевидных серьги (рис. 4-4-6), обломки колец (рис. 4-8) и нож (рис. 4-1). Часть пронизок и одна серьга найдены на костях черепа. Вокруг браслетов, ножа, пронизок и одной из пуговиц на черепе прослежен органический тлен. Внутри браслетов находилась береста. В юго-западной части могилы обнаружены два сосуда, еще один — в юго-восточной ее части (рис. 5-1,2,5).

Остановимся на характеристике погребального обряда исследованных могил. Основные его черты — положение погребенных скорченно на правом боку, головой в юго-западный сектор, овальная и прямоугольная форма могильных ям, наличие небольших курганных насыпей, отсутствие деревянной обкладки могил по дну, установка сосудов в головах погребенных — характерно для ирменской культуры лесостепного Алтайского Приобья [323, с. 104]. Несколько нетипичной чертой [187, с. 118; 206, с. 134] является довольно большая глубина трех исследованных могил, хотя это не следует считать полным исключением. В расположенном рядом с БЕ 9 могильнике БЕ 4 также отмечена довольно значительная глубина могил [79, с. 27-28].

Характерны для ирменской культуры и другие черты, встреченные в погребениях БЕ 9 единично. Это относится к деревянной обкладке дна могилы 1 кургана 4, наличию мясной заупокойной пищи в могиле 1 кургана 2, возможному вторичному захоронению в могиле 2 кургана 4. В частности, в ирменских могильниках Алтайского Приобья обычай сооружения деревянной обкладки могил зафиксирован в целом ряде памятников [288, с. 131; 295, с. 3], а отсутствие таковой М.П. Грязнов считал причиной овальной формы ям [79, с. 29]. В целом, по погребальной обрядности БЕ 9 можно считать типичным могильником ирменской культуры и составной частью единого кладбища ирменцев вместе с БЕ 4, БЕ 5 и БЕ 15 [8, с. 73; 14, с. 192]. В связи с этим, достаточно интересен факт наличия различной погребальной обрядности (курганная и грунтовые могильники) у одной группы населения.

Керамика из сборов и раскопок на БЕ 9 представлена одним типом — хорошо профилированными горшками. Этот тип являет-

ся основным для ирменских могильников и достаточно часто встречается на поселениях. Орнамент на сосудах с БЕ 9 резной или гладко-штампованный. Наиболее распространенной орнаментальной композицией являются расположенные по венчику штрихованные треугольники, обращенные вершинами друг к другу и образующие при этом гладкий ромб (рис. 5-1-3, 5-7,10). По шейке всех горшков находятся прочерченные линии. Для трех сосудов они являются единственным украшением (рис. 5-4,8,9). На плечиках встречаются ряд свисающих треугольников (рис. 5-7), фестоны (рис. 5-1), ряд косо поставленных вдавлений (рис. 5-3,6). У одного из сосудов такими же насечками украшена придонная часть (рис. 5-6).

Особый интерес представляет сосуд из могилы 2 кургана 4 (рис. 5-1). Полных аналогий в ирменских материалах ему нет, а наиболее сходны с этим горшком сосуды из сборов и раскопок на БЕ 4 [79, табл. V-32; VI-4]. Орнаментация днища в виде креста или другого солярного знака более характерна для андроновских могильников [129, рис. 2], а в ирменской культуре до сих пор была встречена только в Камышенке [142, табл. XVI-1].

Бронзовый инвентарь исследованных могил представлен ножами и украшениями. Ножи по классификации Е.Е. Кузьминой относятся к двум типам: пластинчатые с отверстием в рукояти (второй тип — рис. 4-1,11) и пластинчатые с обособленной рукоятью (третий тип — рис. 4-23) [160, с. 44-49]. Ножи второго типа имеют широкие аналогии, встречаются на ирменских памятниках, а дальнейшее развитие получают в раннем железном веке. Ножи третьего типа также хорошо известны в позднебронзовых материалах Верхнего Приобья, но дата их не древнее первой четверти I тыс. до н.э. [160, с. 47].

Среди украшений особый интерес представляют гвоздевидные серьги и пластинчатые браслеты, являющиеся характерными ирменскими изделиями (рис. 4-2-6). М.П. Грязнов предположил, что гвоздевидные серьги (височные кольца) служили не только для поддержания прически, но и для надевания на раковины ушей. На БЕ 9 найдены три гвоздевидные серьги, относящиеся к двум типам. К первому относятся две серьги с округлой шляпкой (рис. 4-4,6). Этот тип распространен очень широко и встречен в большинстве могильников Верхнего Приобья. Второй тип представлен одной серьгой с лопаточковидной шляпкой [295, с. 6]. Они известны в могильниках Плотинная [295, табл. II-3,5,7], Суртайка [313,

рис. 44–13], поселении Быково 3 и ряде других памятников. Найденные на БЕ 9 два браслета, относятся к достаточно редкому типу широкопластинчатые реберчатые (рис. 4–2,3). Они известны в Ильинке [187, Приложение, рис. 32–9; 290, с. 167, рис. 2] и Еловском могильнике 2 [187, Приложение, рис. 73–6; 74–5].

К личным украшениям относятся также: проволочная серьга в 2,5 оборота (рис. 4–22) и кольца (рис. 4–8,12). Полных аналогий серьге нет, а наиболее близки ей серьги, найденные на Новоалтайском поселении [324, рис. 5–5], Быстровке 4 [185, табл. 17–12] и Титовском могильнике [238, рис. 4–6]. Пластинчатые кольца встречаются практически во всех ирменских могильниках, но особенно много их в Камышенке и Плотинной [295, табл. III–19–21; 314, рис. 1–6, 13].

Остальные бронзовые изделия (нашивные бляшки и пуговицы, пронизки) являются украшением одежды, обуви и головных уборов. Пуговицы имеют на оборотной стороне ушко в виде петли или планки (рис. 4–14, 18, 19) либо кнопку (рис. 4–9). Аналогии этим изделиям известны во многих ирменских могильниках. В целом ряде случаев, в том числе и на БЕ 9, они располагались на черепе погребенного, либо рядом с ним. Поэтому их следует считать, по крайней мере частично, деталями головных уборов. Нашивная бляшка из БЕ 9 (рис. 4–13) относится к типу ординарных. Такие изделия также достаточно характерны для ирмен-

ских могильников и могли служить украшением головных уборов.

Пронизки (рис. 4–7, 10, 15–17, 20, 21) найдены на БЕ 9 в большом количестве. Условных находения свидетельствуют о том, что они служили украшениями одежды, головных уборов и прически. Все пронизки относятся к типу гладких трубчатых, и распространены они были в эпоху поздней бронзы очень широко. Подводя итог характеристике бронзового инвентаря с БЕ 9, отметим, что все изделия широко представлены в памятниках ирменской культуры, а некоторые из них (гвоздевидные серьги и широкопластинчатые браслеты) являются культурно диагностирующими.

Значительный интерес представляют найденные в могиле 2 кургана 2 остатки головного убора. Основу его составляла кожа, к которой в центре была нашита бляшка, а по обе стороны от нее — пронизки. Головные уборы такого рода — достаточно редкая находка в ирменских погребениях. Наиболее близкой аналогией являются головные сумки (диадемы) из Камышенки, где были обнаружены две пластинчатые и три трубчатые диадемы, состоявшие из пронизок и полушарных бляшек [79, рис. 7–1]. Менее сходные с ближнеалбанскими головные уборы известны из целого ряда памятников развитой и поздней бронзы южного Приобья, так и более отдаленных территорий [109, рис. 3–1; 228, рис. 1; 322, рис. 13; 309].

А.А. Тишкин

Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их*

При изучении археологических памятников раннескифского времени Горного Алтая исследователи часто сталкиваются с такой проблемой, как наличие сильных разрушений имеющихся погребений, что не позволяет

провести полноценный анализ погребального обряда населения того времени. В связи с этим, наиболее важным источником информации становятся сохранившиеся нетронутыми различные погребальные сооружения, и

* статья подготовлена при поддержке РГНФ проект № 96–01–16228

конструкции, а также расположение курганов на могильном поле относительно друг друга. Это позволяет не только восстановить ряд утраченных элементов погребального обряда в результате сравнения исследованных объектов одной эпохи и на одном могильнике, но и выйти на уровень реконструкции других (хозяйственных, социальных, идеологических и т.п.) сторон культуры населения интересующей нас древней эпохи.

Прежде чем перейти к описанию и анализу погребальных сооружений курганного могильника Бийке необходимо, на наш взгляд, остановиться на некоторых причинах, способах и времени проникновения в погребальную камеру исследованных нами захоронений. В этой связи, обратимся к работам Е.М. Берс на Усть-Куюмском курганном могильнике в 1964–65 гг., когда на территории исследованных в 30-е гг. Г.П. Сергеевым и Г.П. Сосновским курганов закладывались раскопы для выяснения ряда обстоятельств информационного плана [33, с. 18–21]. В результате выяснилось, что основной целью предыдущих раскопок курганов было изучение только погребений. Обнаруженные же надмогильные сооружения не раскапывались. Методика таких работ была весьма своеобразной, характерной для того времени и четко зафиксирована Е.М. Берс во время исследования старых раскопов [33, с. 19]. Причиной обращения к работе Е.М. Берс в Усть-Куюме послужило то, что подобная несовершенная методика вскрытия погребений, характерная для начала XX века, зафиксирована при раскопках нескольких потревоженных курганов на Бийке. Однако какими-то точными сведениями о проведении там исследований с научными целями автор статьи пока не располагает, хотя ряд обстоятельств заставляет предполагать о имевших место таких работах на этом памятнике. Стоит добавить, что, как правило, в уже исследованных курганах погребальные камеры были почти совершенно пустыми.

Четко фиксируются разрушения курганов с целью их ограбления. Причем способ осуществления этого был довольно прост: в центре каменной насыпи делался шурф различных размеров и формы. Если в результате работ грабители выходили на погребение, то от содержимого погребальной камеры оставались разбросанные кости, немногие из которых имели первоначальное положение, но, обычно, все они лежали либо кучкой в центре, либо были смещены к одной из стенок могильного сооружения. Если же грабители не попадали

на погребение, то на этом, в отличие, например, от планомерных раскопок 30-х годов, работы на объекте прекращались. Определить время ограбления курганов довольно сложно. Можно лишь предполагать, что проведение таких мероприятий началось уже в эпоху близкую ко времени сооружения памятников и имело место позднее.

Еще одним способом разрушения погребального комплекса, зафиксированном на курганном могильнике Бийке, являлось осквернение могил. Это проявлялось, прежде всего, в том, что были свалены выделявшиеся на поверхности курганов стелы. Если же имело место проникновение в погребальную камеру, то нарушения первоначального положения умершего не столь значительны, как при ограблении, и, главное, в наличии оставались древние вещи. Можно, конечно, отнести такие курганы и к категории ограбленных «недобросовестными бугровщиками», однако, на наш взгляд, осквернители были знакомы с культурой населения, оставившего эти памятники, знали, что в них могло находиться, в то время как грабители действовали «наудачу». К тому же целью осквернителей было утверждение какого-то превосходства: либо военного, либо культурного, возможно, расового, иноплеменного и др.

Наблюдения, полученные при раскопках курганов Бийке, где половина исследованных нами погребений оказалось со следами разрушений, предполагают более подробный анализ вопроса планировки этого археологического комплекса. Основным же источником информации в процессе восстановления погребального обряда племен, оставивших захоронения ранних этапов культуры раннескифской эпохи, являются различного рода сооружения, менее всего пострадавшие за все прошедшие времена.

Курганный могильник Бийке находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Катунь, в 8 км от с. Еланда (Чемальский район, Республика Алтай) по дороге в с. Куюс, в 0,5 км на ВСВ от устья р. Бийке (рис. 1). Курганы располагаются там, в основном, группами по всей узкой террасе, которая почти со всех сторон закрыта высокими горами. Само расположение древнего памятника говорит о том, что здесь было не только место для погребений, но и своего рода святилище, возникшее, вероятно, задолго до сооружения курганов [168, с. 47] и используемое длительное время. Имеются все признаки священного культового места [150, с. 28–29]: расположение на берегу реки в замкнутом пространстве

у подножья выделяющихся формой священных в древности гор, на отвесных скалах которых выбиты петроглифы; наличие валунных россыпей, пещеры и близость шумных водных порогов. Возможно, что здесь был храм под открытым небом, где центром отправления церемоний, связанных с различными культурами, была темная отвесная скала «Бийке», еще сохранившая до сегодняшних дней ряд различных рисунков [157, с. 45; 217, с. 50; 216, с. 7–8, табл. 1,2]. Законченность Бийкенскому святилищу придают ряды и группы курганов раннескифского времени, расположенные в определенном порядке, отражающем хронологические различия между объектами и родственные отношения погребенных людей, а также сооружения из камней ритуального и поминального характера в отведенном для них месте на небольшом склоне участка земли, более всего углубленного в горы [264, с. 46] (рис. 1). Имеются захоронения и других эпох [268, с. 36–38, рис. 1].

На указанном курганном могильнике в течение четырех полевых сезонов (1989–92 гг.) работал Бийкенский археологический отряд Алтайского госуниверситета под руководством автора статьи. Некоторые результаты этих исследований были кратко опубликованы [269, с. 67–70; 168, с. 46–51; 265, с. 46–49; 266, с. 92–96 и др.]. Кроме этого, несколько курганов было исследовано в 1990 году Семиным отрядом Алтайской экспедиции ИИФФ СО АН СССР [158, с. 43–49; 211, с. 93–96]. Причиной раскопочных работ на курганном могильнике Бийке было то, что памятник попадал в зону затопления после предполагаемого завершения строительства Катунской ГЭС.

Первая группа курганов состояла из пяти объектов, находилась в северо-западной части террасы у подножья горы (рис. 1).

Курган 1. Имел округлую форму диаметром около 6,5 м, высоту до 0,8 м (диаметры всех нижеописанных курганов зафиксированы после полной зачистки насыпи и по основной массе камней, высота же отражает замеры от уровня древней поверхности до вершины имеющейся каменной наброски). Насыпь сделана из рваных камней и щебня. При снятии каменной наброски, под слоем гумуса и мелкого щебня, обнаружен сосуд (рис. 21–8), который стоял вверх дном на плите перекрытия каменного ящика. Сосуд плоскодонный (диаметр дна — 8,4 см), закрытой баночной формы со срезанным вовнутрь венчиком (диаметр его — 11,0 см), песочного цвета, плохо обожженный, высотой 11,8 см, ориентирован рядом угловых вдавлений

ближе к венчику. В центре кургана на глубине 0,3–0,5 м (при раскопках всех объектов глубины замерялись от 0 — высшей точки кургана) обнаружен каменный ящик, сооруженный из пяти вертикально поставленных плит, перекрытых сверху шестью другими плитами разных размеров (рис. 2). Каменная конструкция имела следующие внешние размеры: 1,75×1,15×0,65 м, ориентирована по линии 3–В и стояла на уровне древней поверхности. Заполнение внутри ящика — темная супесь с большим количеством ракушек. Снаружи каменный ящик подкреплялся огромными глыбами. Погребенная женщина 30-лет (все половозрастные определения сделаны А.Р. Кимом) была положена скорченно на левый бок, головой — на запад (рис. 2–3). В черепе находились два плоских камня, один из них своего рода «подушка» для умершей. Вместе с ней обнаружен обломок крупной бусы из белого камня (рис. 4–3).

Курган 2. Насыпь имела округлую форму диаметром около 5 м, высоту до 0,95 м, сложена из плит, глыб, рваного камня и щебня. Наибольшее количество крупных камней сосредоточено в центре и в западной части кургана. Мощность курганной кладки составила 5–6 слоев камней. В центре кургана на глубине 0,45 м находился каменный ящик, который имел следующие внешние размеры: 1,85×1,21×0,60 м, и был ориентирован по линии 3–В (рис. 3). Плиты ящика подпирались для надежности с внешней стороны камнями. Обломок трубчатой кости животного зафиксирован на уровне древней поверхности к северу от ящика. После снятия перекрытия, стоявшего из одной огромной плиты четырех мелких (рис. 3–1), при выборке заполнения каменного ящика, обнаружен бронзовый нож (рис. 4–1), лежащий у стенки дна сооружения, острием лезвия на запад (рис. 3–3). По всей видимости, это кенотаф.

Курган 3. Насыпь, слегка вытянутой формы по линии 3–В, диаметром около 5,5 м, высотой до 0,9 м, сложена из рваного камня различных размеров и щебня. При раскопках насыпи с западной и восточной части кургана обнаружены кольца, которые соприкасались друг с другом в виде цифры «8», были выложены по линии 3–В и сооружены из каменных плиточной формы (рис. 5–1). Западное кольцо, в котором, судя по сохранившимся костям рук и ног, находилось погребение человека, было сооружено в один и два слоя каменными плитами. Диаметр его — 1,75 м. Человеческий скелет нарушен, череп отсутствовал. Можно было предполагать, что умерший был уложен с

ченно, головой на запад. Восточное кольцо, где в анатомическом порядке лежали кости лошади, как бы примыкало к западному кольцу и сооружено из больших камней в один слой (рис. 5–2). Лошадь была положена на правый бок, с подогнутыми ногами, головой на северо-запад, на уровне древней поверхности, как и человек. Череп животного сильно поврежден, вероятно, при забое.

Курган 4. Насыпь представляла собой сооружение округлой формы, диаметром около 5,0 м, высотой до 0,9 м, в 5–7 слоев камней (рис. 6–1,2). Под наброской обнаружена кольцевая крепида, выложенная в один камень, слегка вытянутая по линии З–В, диаметром около 4,5 м. Внутри этого сооружения находились два примкнувших друг к другу каменных ящика, перекрытых плитами (рис. 6–1). Зафиксирована подсыпка для выравнивания площадки, на которой затем были воздвигнуты все погребальные конструкции. В ящике, стоявшем в центре, был погребен мужчина (?) 18–20 лет на левом боку скорченно, головой на запад (рис. 6–3). Сохранность костей плохая. А.Р. Кимом, при осмотре черепа, отмечена ярко выраженная лопатка на латеральных резцах, что говорит о монголоидности погребенного. К ящику в центре кольца (внешние размеры его 1,45×1,25×0,70 м) пристроена еще одна камера с северо-восточной стороны. Конструкция подпрямоугольной формы, в ней находились плохо сохранившиеся кости лошади, которая, по-видимому, лежала на правом боку, по диагонали ящика, головой на запад (рис. 6–3). Вещей не обнаружено. Рядом с сооружением, в котором была захоронена лошадь, обнаружена плита, которая, возможно, стояла вертикально (стела ?).

Курган 5. Каменная насыпь имела округлую форму, слегка вытянутую по линии С–Ю, диаметр ее около 6,0–6,5 м, высота до 0,75 м. При разборке наброски кургана, в юго-западном секторе, найден небольшой фрагмент керамического сосуда красно-коричневого цвета, с вдавлением от палочки с внешней стороны. В центре кургана обнаружен каменный ящик, сооруженный из пяти вертикально поставленных плит, перекрытых восьмью другими, имеющий следующие внешние размеры: 1,65×1,20×0,73 м (рис. 7). Погребенная в ящике женщина 35–40 лет лежала на левом (?) боку, скорченно, головой на запад (рис. 7–3). Сопроводительного инвентаря нет.

Вторая группа курганов находилась к юго-востоку от первой и состояла из трех объектов, один из которых был уничтожен при

строительстве дорожного полотна (рис. 1). Погребальные сооружения этой группы располагались цепочкой по линии ЮЗ–СВ.

Курган 20. Каменная насыпь диаметром около 12 м, высотой до 0,65 м была частично нарушена при строительстве дороги (рис. 8). На зачищенной поверхности кургана кое-где просматривалась кольцевая конструкция, в центре зафиксирована сваленная стела размерами 1,4×0,5×0,18 м (здесь и далее даются наибольшие показатели) (рис. 8–1; рис. 32–2). При зачистке и разборке насыпи найдены скопления фрагментов керамики, из которых можно реконструировать верхние части сосудов (рис. 21–2,5,9,10). Кольцевая каменная кладка диаметром около 12 м была сложена, в основном, из плиточных и плоских камней (максимальная мощность кладки 7–8 слоев камней, высота ее — 0,5–0,6 м) (рис. 8–2, рис. 9–1). В центре кольца обнаружен ящик, сооруженный из семи поставленных на ребро плит, обложенных снаружи валунами и булыжниками, играющими роль подпорок. Размеры ящика таковы: 1,6×1,2×0,53 м. Сверху погребальной камеры лежала отмеченная выше стела и другие камни (рис. 9–1). В ящике ничего не обнаружено (рис. 9–2,3). К востоку от него, на уровне древней поверхности, зафиксированы отдельные плохо сохранившиеся кости лошади (рис. 9–1).

Курган 6. Каменная насыпь имела овальную форму, слегка вытянутую по линии З–В, диаметром около 6,5–7,0 м, высотой до 0,75 м; на поверхности просматривалась кольцевидная кладка, сложенная из плитняка и частично разрушенная при распашке поля с севера (рис. 10). Диаметр оградки — 6,0–6,5 м. Почти в центре ее зафиксирована могильная яма длиной 2 м, шириной 1,25, глубиной 0,5 м от уровня древней поверхности, прямоугольной формы с закругленными углами. Наблюдались следы грабительского проникновения в курганное сооружение, результатом чего стало разрушение, по-видимому, каменной погребальной камеры, в которой находился умерший человек, и частично конского захоронения в могиле, где обнаружена лежащая в анатомическом порядке только задняя часть молодой особи (рис. 11–1). Возраст животного был от 8 месяцев до 1,5 лет, пол определить трудно, постав и конституция у нее были правильные, однако наметились предпосылки к браку (косолапость) (все остеологические определения животных выполнены А.В. Гальченко). Рядом с костями лошади и на них лежали изготовленные из рога благородного оленя украшения сбруи, трехдыр-

чатый псалий и предмет неясного назначения, сделанный из добавочной фаланги лося (рис. 12). Остальные обнаруженные в беспорядке кости животного располагались в центре ямы, череп отсутствовал. В северо-западном углу ямы найден зуб человека, попавший сюда, скорее всего, при разграблении кургана.

Третья группа курганов состояла из трех объектов, расположенных цепочкой по линии ЮЗ-СВ на расстоянии около двух метров друг от друга (рис. 1).

Курган 7. Каменная насыпь округлой формы, диаметром около 7,5 м, высотой до 0,75 м. Наброска состояла из глыб, рваных камней, пространство между которыми заполнено щебнем и супесью (рис. 11-2, рис. 13-1). При разборке насыпи обнаружена кольцевая кладка-стенка, сложенная до семи слоев камней (рис. 13). В центре кольца, с небольшим смещением к востоку, находилась могильная яма овальной формы, вытянутая по линии З-В, длиной 2,12 м, шириной 1,56 м (рис. 13-2). При исследовании кургана прослеживались следы грабительских работ. На глубине 0,7 м от уровня древней поверхности, в заполнении могильной ямы, встречена наклонно стоящая большая плита, которая, по видимому, закрывала подбой, где была погребена женщина 20-25 лет, скорченно на левом боку, головой на запад (рис. 14-2). В области черепа обнаружена сильноокислевшаяся бронзовая серьга, а в области грудной клетки — бусы (рис. 14-2,3). Кроме этого, встречены небольшие фрагменты ткани (рис. 14-1), анализ которой был сделан дважды (автор статьи благодарен Л.С. Марсадолову, А.П. Бородавскому за содействие в организации выполнения анализов ткани и Е.А. Миколайчук, Т.Н. Глушковой за кропотливый труд).

1. Заключение по анализу древней ткани, предоставленное научным сотрудником лаборатории химических исследований Государственного Эрмитажа Е.А. Миколайчук в 1991 году:

Так как для анализа тканей нужны образцы, свободные от каких бы то ни было загрязнений и пропиток, то фрагменты анализируемой ткани были подвергнуты экстракции хлороформом.

Ткань имеет полотняное переплетение. Плотность нитей на 1 см 12×20. Схема переплетения на рис. 14. Нити, как основы, так и утка, скручены в Z. Тонина нитей — 0,35 мм. Нити основы и утка состоят из волокон 100% шерсти. Волокна сильно деструктивированы, кое-где на них сохранились следы красно-бордовой окраски. Установить вид красителя не представляется возможным. Общее количест-

во волокон в нити — 112. Волокна с тониной 30 мкм — 73 шт., 20 мкм — 31 шт., 12,5 мкм — 8 шт. Средняя тонина волокон нити 24,8 мкм. Нити основы и утка идентичны. Нити ткани составляют пуховые волокна (с тониной 12,5 и 20 мкм) и волокна так называемого переходного волоса (тонина 30 мкм).

2. Определения, сделанные Т.Н. Глушковой в 1995 году: Фрагменты сложенной вдвое ткани полотняного переплетения. Нити крашенные по схеме Z, тонина утка и основы примерно одинакова и составляет 0,2-0,3 м. Плотность по основе — 22 нити, по утке нитей на 1 см. Фактура однородная, равномерного натяжения. Так как ткань была после обнаружения пропитана оливковым маслом, то определить какие-либо технологические характеристики сырья невозможно. Косвенным признакам, однако, можно предположить растительное сырье (?).

Курган 8. При снятии дерна в восточной половине кургана найдены обломки черепа лошади. На поверхности каменной насыпи просматривалась кладка кольцевой конструкции, которая сложена стенкой из плит местами семи слоев (рис. 15). Кольцо-стенка с внешней стороны имела подпорки (рис. 15-2). Диаметр кургана около 7 м, высота до 0,8 м. В кольце находились два примкнувших друг к другу каменных сооружения, поставленных на уровне древней поверхности и перекрытых сверху плитами, среди которых найдена стела длиной до 0,98 м, шириной до 0,3 м, толщиной до 0,12 (рис. 17-1,2). В западном ящике находились плохо сохранившиеся кости человека потревоженные и разрушенные при ограблении или осквернении погребения (рис. 16). Можно лишь предположить, что умерший был уложен скорченно на боку, головой на запад. С восточной стороны к ящику, предназначенному для человека, примыкает камера, округлой формы, сооруженная из камней, где найдены фрагментарно сохранившиеся кости лошади, лежащие на подсыпке мощностью до 0,12 м (рис. 1). Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Прослеживаются в отдельных местах следы подсыпки для выравнивания площадки, которой сооружался весь курган. Кроме того, внутри кольца на отдельных участках мечается выкладка из мелких плиток, поставленных на землю.

Курган 9. Насыпь имела округлую форму, диаметром около 6,5 м, высотой до 0,7 м (рис. 18-1). На ее поверхности визуально можно было проследить кольцевую выкладку, которая представляла собой после снятия дерна стенку, выложенную из плиток,

ных камней в несколько слоев по периметру кургана. Два каменных ящика, сооруженные из вертикально поставленных плит и перекрытых сверху камнями, примыкали друг к другу (рис. 17-2, рис. 18-1). В восточной конструкции, предназначенной для захоронения лошади, сверху перекрытия находилась каменная стела, которая первоначально была поставлена вертикально и закреплялась пятью, забутованными вокруг нее, камнями, но затем упала или, скорее всего, ее свалили. В западном ящике, где был погребен человек, по-видимому, скорченно, на боку, головой на запад или северо-запад, прослеживаются следы проникновения. Кости отсутствовали. Конструкция для захоронения лошади также была пуста (рис. 18-2). Вещей не найдено. Как и в кургане 8, здесь фиксировалось выравнивание площадки под курган и плиточные выкладки внутри кольца.

Следующая исследованная нами группа курганов состояла из двух объектов, расположенных цепочкой по линии ЮЗ-СВ. Рядом с ними находились четыре погребения, раскопанные новосибирцами (рис. 1).

Курган 10. Курган диаметром около 8,0 м, высотой до 0,8 м. Кольцевая выкладка была выявлена лишь при разборе каменной наброски, она имела диаметр до 8 м, сложена из плитняка, рваных камней и плоских валунов в несколько слоев (рис. 19, рис. 20-1). Южная и юго-западная стенка была смещена вовнутрь кургана и несколько разрушена при строительстве полотна дороги. В насыпи кургана найден фрагмент керамики без орнамента. Каменный ящик (вернее, его остатки после ограбления и разрушения) фиксировался в центре кургана. Судя по размерам и конструкции погребальной камеры, вероятно, человек был погребен скорченно на боку, головой на запад (рис. 19-2, рис. 20-1). Ни костей, ни вещей не было найдено. Вплотную к восточной плите каменного ящика, предназначенного для захоронения человека, примыкало сооружение в виде овального кольца из поставленных вертикально крупных камней и заложное, в основном, валунами и галькой (рис. 19-2). В данной погребальной конструкции обнаружены кости, лежащие в анатомическом порядке, от двух коней (рис. 20-2): один был в возрасте 2,5-3,5 лет, ростом (по Кизельвальтеру) 138,07 см — первая группа средних по росту; индекс его тонконогости 14,1 — тонконогий; другой — в возрасте 3,5 лет и старше (скорее 4-5 лет), ростом 136-144 см (по В.О. Витту относится к группе средних по росту). Кости животных плохой сохранности. Черепа коней частично

разрушены. Животные были положены на живот с подогнутыми ногами, ориентированы головой на запад, под ними имелась небольшая (до 8 см) подсыпка из земли и щебня. Вокруг погребальных конструкций отмечены на уровне древней поверхности небольшие плитки, которыми, по-видимому, выкладывалось пространство внутри кольца.

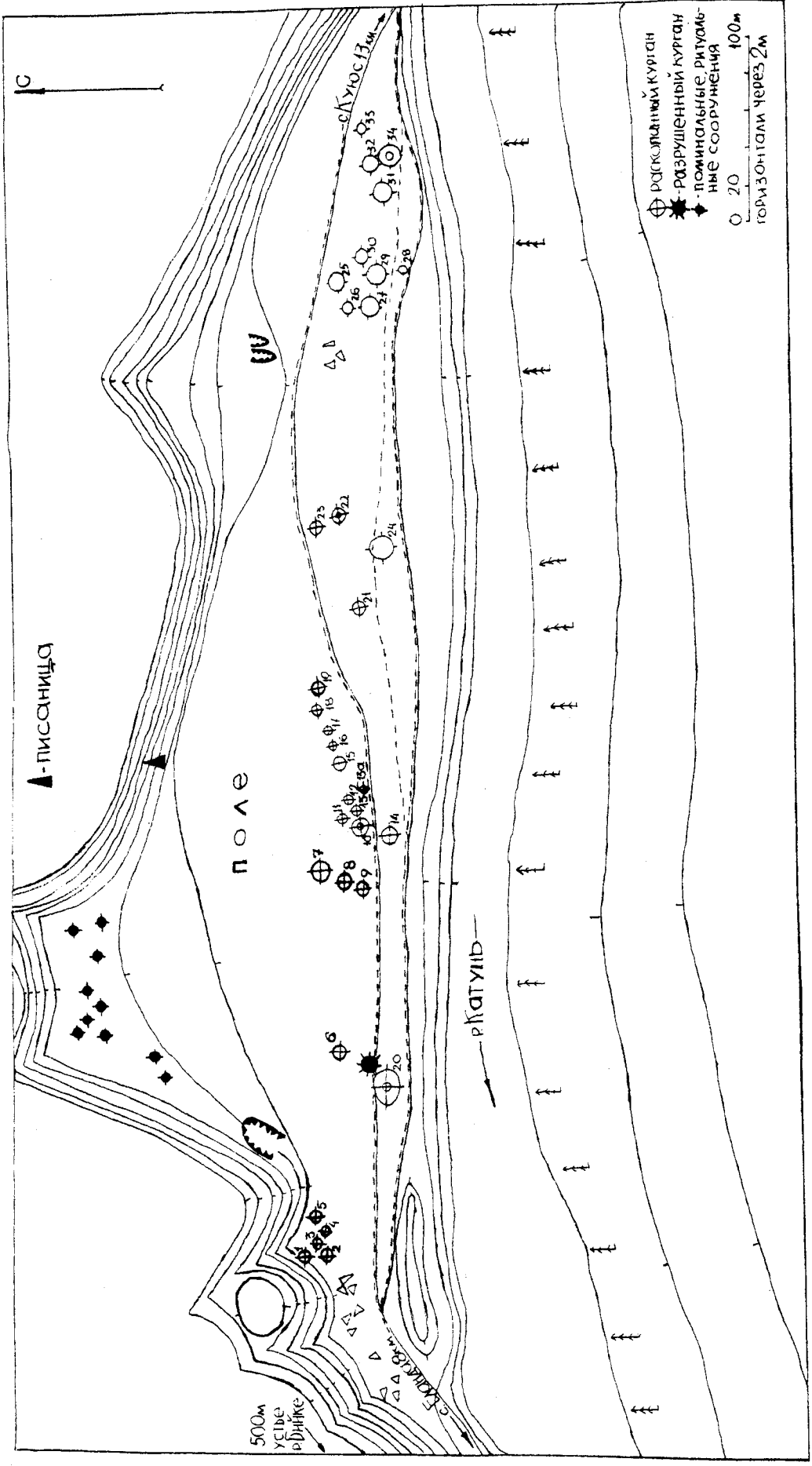
Курган 14. При снятии дерна в западной части раскопа вне кургана обнаружен фрагмент толстостенной керамики с орнаментом в виде рассеченного валика (рис. 21-1). Насыпь диаметром около 8,5 м, высотой до 0,8 м, была сооружена из камней, очень плотно уложенных друг к другу. Кольцевая кладка на защищенной поверхности не просматривалась, а была обнаружена лишь после снятия 1-2 слоев камней и представляла собой сооружение из плит, положенных друг на друга стенкой до четырех штук (рис. 22, рис. 23-1). За кольцом, диаметр которого около 8,5 м, наибольшая высота стенки до 0,5 м, на западной и восточной части раскопа зафиксированы вертикально стоящие плоские камни, врытые в материк (рис. 22-2). В центре кольца находился прямоугольной формы ящик из пяти плит, поставленных на уровень древней поверхности и сверху перекрытых другими плитами и камнями. Перекрытие частично пострадало при ограблении или осквернении погребения. Длина ящика 1,7 м, ширина около 1,25 м, высота до 0,6 м. Плохо сохранившиеся кости человека (нижняя челюсть, обломки черепа, несколько трубчатых костей конечностей), найденные в ящике, лежали на подсыпке мощностью до 10 см (рис. 23). Можно предположить, что умерший лежал на боку с подогнутыми ногами, головой на запад. Вещей не найдено.

Объекты 11-13а были исследованы в 1990 году Семинским отрядом Алтайском экспедиции ИИФиФ СО АН СССР под руководством В.П. Мыльникова и представляли собой компактную группу. Курганы были взяты в один раскоп. Полученный материал аналогичен нашим результатам исследований: в курганах округлой формы зафиксированы кольцевидные выкладки, в центре которых находился каменный ящик для погребения человека скорченно на боку, головой на запад.

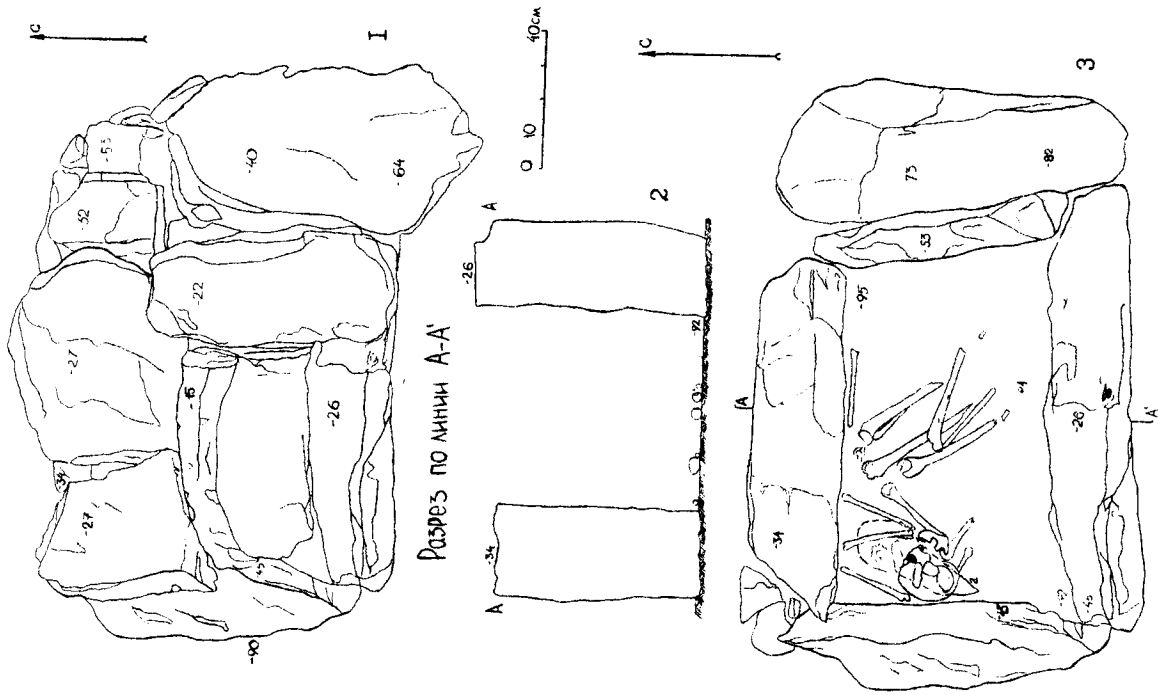
Еще одна группа объектов, находящаяся неподалеку от предыдущей, выделена нами условно и представляла собой цепочку курганов, выстроенных по линии ЗЮЗ-ВСВ (рис. 1).

Курган 15. Каменная насыпь, по периметру защищенной поверхности которой просматривалось кольцо, сооруженное из плит в 1-2

Курганная группа Бийке

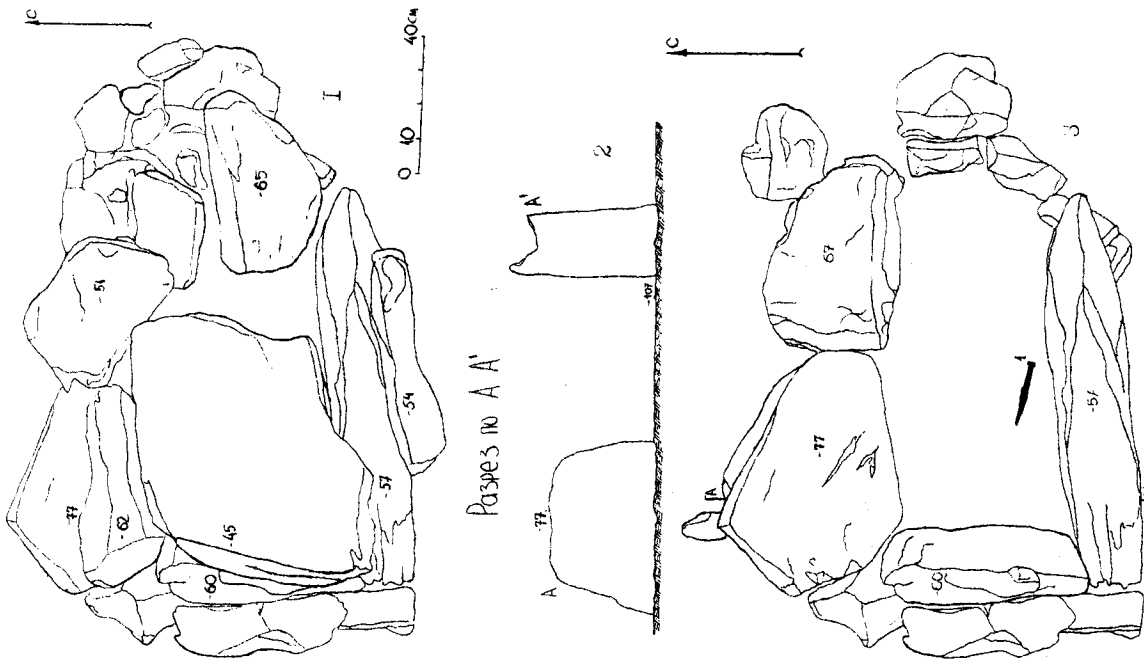

- ⊕ раскопанный курган
- ★ разрушенный курган
- ◆ поминальные ритуальные сооружения
- 0 20 100 м
- горизонталю через 2 м

↑ ОБЪЕМНОЕ ВУСНИ (92), 2 КОММЕНТ (96)

Рис. 2. Ыйке. Курган 1. Погребение человека в каменном ящике. I - перекрытие каменного ящика; 2 - разрез погребальной камеры; 3 - захоронение человека в ящике.

Разрез по А-А'

↑ БРОНЯВЫЙ НОЖ (107)

Рис. 3. Ыйке. Курган 2. Кенотаф. I - перекрытие каменного ящика; 2 - разрез погребальной камеры; 3 - бронзовый нож в ящике.

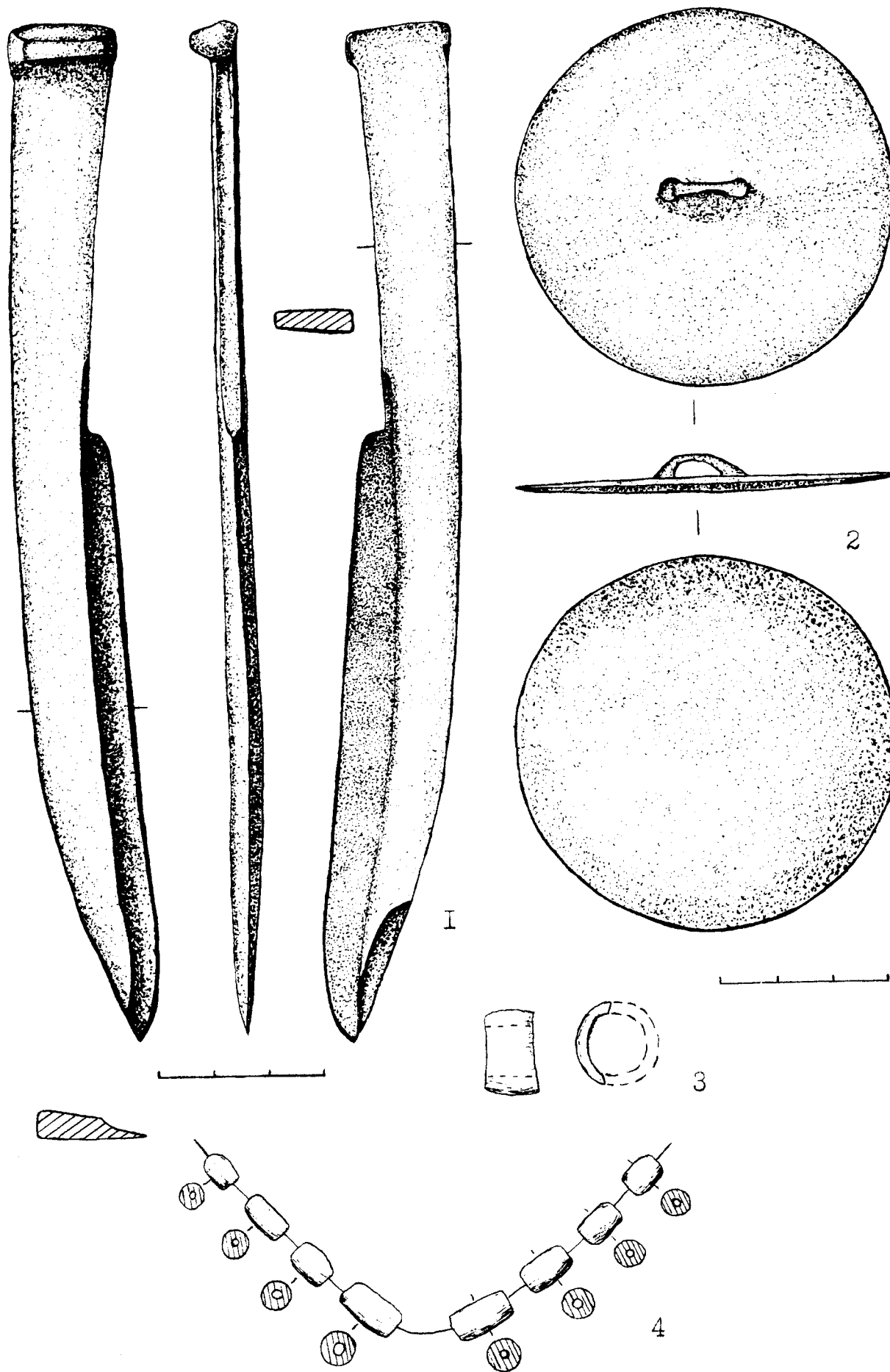

Рис.4. Вещи из курганов. I,2 - бронза; 3,4 - камень.

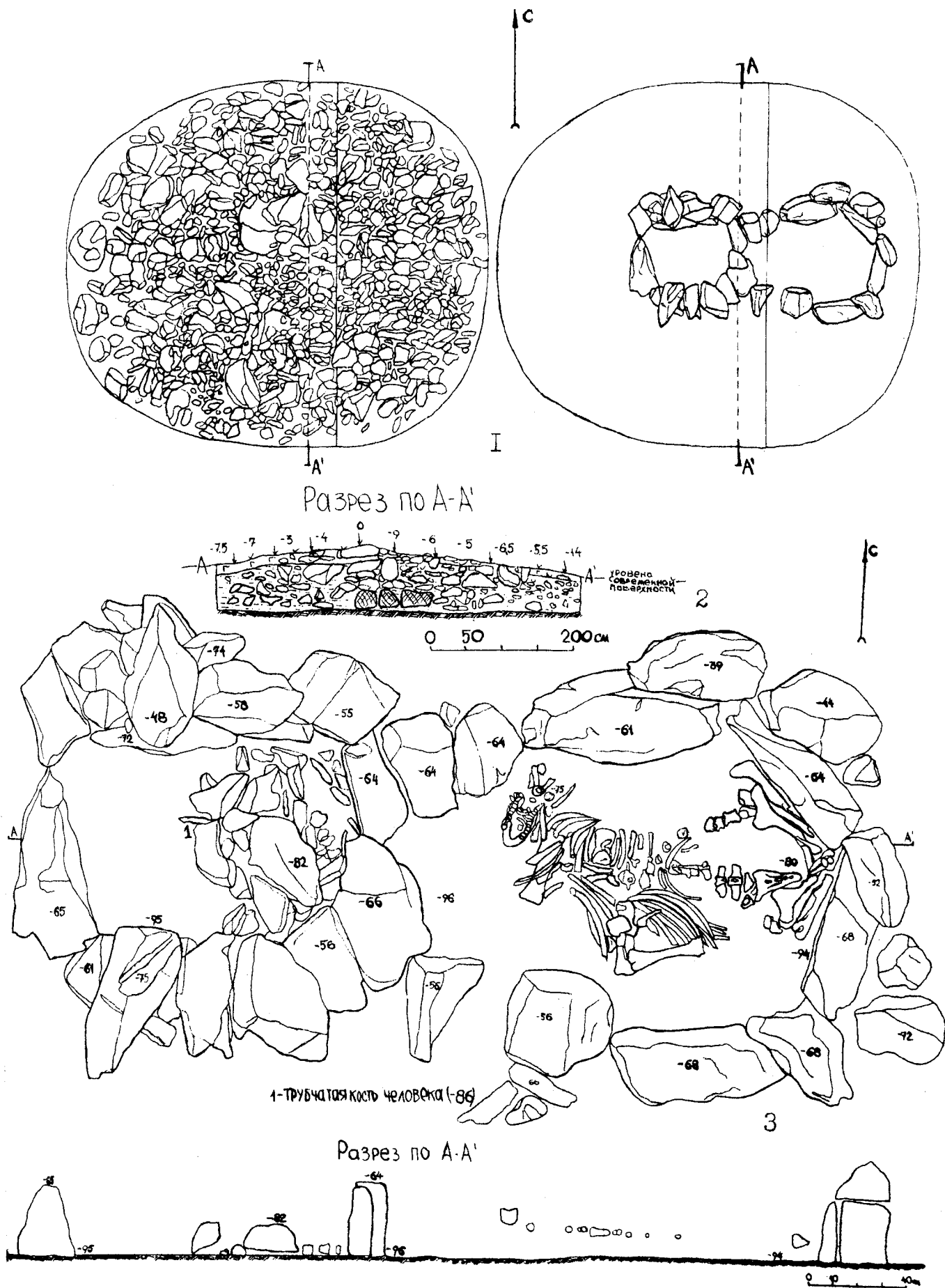

Рис.5. Бийке. Курган 3. Каменная насыпь и захоронения в каменных кольцах.